

Константин
ЛЕОНТЬЕВ

Избранные
ПИСЬМА
1854/91

Константин Леонтьев

Избранные письма. 1854–1891

ИЦ «Пушкинского фонда»

1854–1891

УДК 821.161.1Леонтьев(081.1)
ББК 83.3(2)51

Леонтьев К. Н.

Избранные письма. 1854–1891 / К. Н. Леонтьев — ИЦ
«Пушкинского фонда», 1854–1891

ISBN 978-5-9500595-4-4

Произведения русского писателя, публициста, философа Константина Леонтьева (1831–1891) широко известны в России и за ее пределами. С эпистолярным же наследием этого интереснейшего автора читатель практически не знаком. За исключением небольшого сборника, вышедшего в Париже в 1950-х годах, его переписка никогда отдельно не публиковалась. Между тем письма дают наиболее яркое и содержательное представление о его мировоззрении, поскольку именно в них он открыто, не прибегая к внутренней цензуре, высказывал свои оригинальные (для современников порой – шокирующие оригинальные) суждения и взгляды. В издание включены выдержки из писем, наиболее существенных для воссоздания психологического портрета Константина Леонтьева и картины его жизни. Среди них послания к А. А. Фету, Просперу Мериме, В. В. Розанову, И. С. Аксакову, Н. П. Игнатьеву, письма Леонтьева к его молодым почитателям – по сути, микротрактаты, отражающие мировоззрение автора в самом конце жизни. Собрание писем, вошедшее в эту книгу, можно назвать своего рода автобиографией выдающегося мыслителя. Издание составлено и подготовлено замечательным петербургским историком, литературоведом, переводчиком Д. В. Соловьевым. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1Леонтьев(081.1)
ББК 83.3(2)51

ISBN 978-5-9500595-4-4

© Леонтьев К. Н., 1854–1891
© ИЦ «Пушкинского фонда», 1854–
1891

Содержание

Предисловие	7
Избранные письма	10
1. Ф. П. Леонтьевой	10
2. Ф. П. Леонтьевой	12
3. Ф. П. Леонтьевой	14
4. Ф. П. Леонтьевой	15
5. Ф. П. Леонтьевой	16
6. Ф. П. Леонтьевой	17
7. Ф. П. Леонтьевой	18
8. Ф. П. Леонтьевой	19
9. Ф. П. Леонтьевой	20
10. Ф. П. Леонтьевой	21
11. Н. Ф. Леонтьевой	23
12. Ф. П. Леонтьевой	24
13. И. С. Аксакову	25
14. Н. Н. Страхову	27
15. И. С. Аксакову	29
16. Е. П. Леонтьевой	30
17. К. Н. Бестужеву-Рюмину	31
18. Просперу Мериме	33
19. К. А. Губастову	36
20. К. А. Губастову	37
21. К. А. Губастову	38
22. Е. А. Ону	39
23. К. А. Губастову	41
24. Е. А. Ону	42
25. М. А. Хитрово	43
26. К. А. Губастову	44
27. К. А. Губастову	45
28. Графу Н. П. Игнатьеву	46
29. Н. Н. Страхову	48
30. Н. Н. Страхову	49
31. К. А. Губастову	50
32. Н. Н. Страхову	51
33. В. В. Леонтьеву	53
34. Н. Н. Страхову	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Константин Леонтьев

Избранные письма: 1854–1891

© Соловьев Д. В. (наследники), составление, предисловие, комментарии, 2017

© Обласов В. Ю., оформление, 2017

© ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2017

Издательство «Пушкинского фонда» ®

Предисловие

В 1812 году, еще до нашествия французов, дочь богатого и родовитого смоленского помещика Феодосия Петровна Карабанова была выдана замуж за Николая Леонтьева, отставного прапорщика гвардии, который не выслужил большего по причине многих шалостей и неоплаченных долгов. Семейство Леонтьевых жило еще по старине: дочери едва знали русскую грамоту, младшие сыновья до двадцати лет сидели дома в недорослях. Зато генеральские дочери Карабановы обучались в Екатерининском институте и разговаривали между собой по-английски. Сама Феодосия Петровна кончила курс с шифром и была лично известна императрице Марии Федоровне. Выдающиеся ее способности проявились, например, в том, что она оставила записки об Отечественной войне. Образованность и тонкий вкус соединялись у нее с энергическим характером и гневливостью. Когда один из ее сыновей, уже офицер, слег в тифозной горячке и его повезли домой, он перепугался, что маменька прогневается, – как осмелился заболеть столь опасно и, может быть, по неосторожности причинил столько горя и беспокойства.

Константин Николаевич Леонтьев родился 13 (25) января 1831 года в потомственном имении отца, калужском сельце Кудинове, и был последним, седьмым ребенком. Он появился на свет семи месяцев; опасаясь за жизнь новорожденного, первые дни его подвешивали, завернутого в заячью шкурку, к потолку бани.

Домашнее воспитание он получил всецело под руководством матери, глубоко повлиявшей на всю его жизнь. С ней всегда сохранялись у него отношения самой близкой дружбы. Отец же, напротив, «был из числа легкомысленных и ни к чему не внимательных русских людей». Младшим своим сыном он совершенно не занимался.

После выпуска из калужской гимназии Константин Леонтьев поступил в ярославский Демидовский лицей, но там «так мало занимался», что он «испугался и соскучился» и среди зимы перешел по желанию матери на медицинский факультет Московского университета. Поселился он у родственников, совсем по-барски – в трех комнатах с отдельным подъездом и прислугой, но «знакомство в Москве было большей частью в богатом кругу, а денег не было. Я был очень самолюбив, требовал от жизни многого, ждал многого и вместе с тем мучился, что у меня чахотка». К медицине он относился без горячности, хотя и занятия и лекции посещал усердно. Впоследствии, когда ему пришлось лечить, работал с увлечением. Во всяком случае, естественнонаучное образование принесло ему большую пользу. Не раз он с гордостью говорил, что именно этому образованию обязан выработкой своего логического мышления и тем, что в исторических исследованиях пользовался всегда методами опытных наук. Более же всего Леонтьев испытывал влечение к литературе и пробовал сочинять сам. Первые свои опыты он принес самому знаменитому писателю того времени – Тургеневу, который очень сочувственно встретил их и помог начинающему литератору. Однако предназначенные для «Современника» и «Отечественных записок» пьеса и главы повести были запрещены цензурой. Первой увидела свет повесть «Благодарность». Литературным восприимчиком ее стал редактор «Московских ведомостей» Михаил Никифорович Катков, отнесшийся к юному автору с не меньшим вниманием, чем Тургенев. В знак особого поощрения он сам вынес ему первый гонорар – простой нитяной кошелек, наполненный золотом.

С началом Крымской кампании Леонтьев, только что порвавший по собственной воле с любимой девушкой, сдал лекарский экзамен и отправился на театр военных действий. Его медицинская деятельность продолжалась семь лет (1854–1861): сначала в Белевском егерском полку, затем в керчьеникальском и феодосийских госпиталях, Донском казачьем полку и, наконец, по окончании войны, в нижегородском имении барона Розена, куда его пригласили как домашнего доктора. Еще в 1855 году, в Феодосии, он похитил дочь мелкого торговца-грека,

необыкновенно милую и очень красивую девушку, полную природной поэзии и грации. Их преследовала полиция, и похищенную пришлось возвратить. Но на этот раз чувство Леонтьева оказалось истинно глубоким – через шесть лет, невзирая на вопиющий мезальянс, он обвенчался с этой бедной, почти совсем безграмотной Золушкой.

Он постоянно писал и к тридцати годам опубликовал три повести, роман и несколько критических очерков. В 1863 году в поисках более надежных доходов, чем литературные гонорары, Константин Николаевич поступил на службу в Азиатский департамент и десять лет занимал консульские должности в европейской Турции (Крит, Тульча, Янина и Салоники). Карьера его складывалась очень благоприятно, но здоровье портилось. В грязных живописных Салониках Леонтьев тяжело занемог и, как врач, определил у себя холеру. На него напал невыносимый страх смерти. Он заперся, велел наглухо закрыть ставни, чтобы не видеть смену дня и ночи, никого к себе не пускал. Когда наступил кризис, он перед образом Божьей Матери дал обет: если останется жив, уйти в монахи. Через два часа ему стало лучше, а утром следующего дня он уже скакал в Афон, даже не озаботившись сдать консульство. Желание его, однако, не исполнилось. Не надо было обладать мудростью афонских старцев, чтобы видеть, сколь еще не подготовлен к монашеству человек, вчера только ездивший от француженки к тринадцатилетним одалисам и не представлявший себе ни одного дня без кофе и дорогих сигар. В монастырь его не взяли. Леонтьев пробыл на Святой Горе целый год. Там совершился в нем глубокий религиозный переворот, и с тех пор церковь навсегда стала для него не только источником национально-эстетических переживаний, но прежде всего спасительницей души.

С Афона Константин Николаевич поехал в Константинополь. Конечно, после бегства из Салоник надеяться на прежнее благоволение самого посла графа Игнатьева было нечего. К тому же и внутренне он твердо решил исполнить свой обет, а пока хотел просто пожить при посольстве, добывая деньги литературными трудами. Климат Босфора и константинопольское общество действовали на него благотворно. Именно в Константинополе был написан «Византизм и славянство», в котором он с наибольшей полнотой и последовательностью раскрыл свое культурно-историческое мировоззрение. Уже тогда, за шестьдесят лет до Тойнби, Леонтьевым был сформулирован столь прославивший знаменитого английского историка закон трехстепенного исторического процесса.

Прошел еще год. Дела с редакциями шли плохо, как ему казалось, из-за дальнего расстояния. Но и прежнего всепоглощающего поклонения эстетике не было. В Салониках он сжег несколько совершенно готовых романов из эпопеи «Река времен». Его все больше занимала историческая и политическая публицистика, но крайние его мнения пугали даже Каткова, который отказался взять «Византизм и славянство». Средства истощались, и кредиторы обложили его со всех сторон. Надо было ехать в Россию.

Но в Москве положение Константина Николаевича только ухудшилось. На его попечении оказались слуги, жившие в леонтьевском доме почти как члены семьи, и престарелые кудиновские дворовые, которым мать завещала платить пенсии. Кроме того, имение было заложено, и банк требовал проценты. Поэтому не только внутреннее желание, но и внешние обстоятельства влекли в монастырь. Он стал послушником подмосковной Николо-Угрешской обители. «Телесно мне через два месяца стало невыносимо, потому что денег не было ни рубля, а к общей трапезе я никак не мог привыкнуть... Ел только, чтобы прекратить боль в желудке, а сытым быть – и забыл, как это бывают сыты... Отец Пимен звал меня дураком и посылал в сильный мороз на постройки собирать щепки...»

Константин Николаевич не смог вытерпеть тягот монашеской жизни. Он заболел и возвратился в мир.

Пять лет (1875–1880) Леонтьев жил большей частью у себя в Кудинове, сильно бедствовал и занимался литературным трудом. Именно в эти годы были напечатаны самые лучшие его вещи: «Византизм и славянство», повести и рассказы о восточной жизни, вышедшие потом

отдельно в трех томах под общим заглавием «Из жизни христиан в Турции». Среди них особенно выделяются по мастерству проникновения и чистоте языка «Воспоминания загорского грека Одиссея Полихрониадеса». Как писатель Леонтьев вполне оправдал рекомендацию Тургенева, а надежды Каткова были им на поприще публицистики многократно превзойдены по самобытности и смелости суждений. Большинство статей этого рода вошли в двухтомный сборник «Восток, Россия и славянство».

В 1880 году Леонтьев на полгода стал помощником редактора «Варшавского дневника», но вскоре покровитель и почитатель его государственный контролер Т. И. Филиппов выхлопотал ему место члена Московского цензурного комитета. Эта последняя служба Леонтьева продолжалась семь лет, в течение которых Константин Николаевич часто и тяжело болел. Наконец, опять же благодаря Филиппову, он получил большую пенсию и мог удалиться на покой. Кудиново пришлось продать, зато Леонтьев приобрел дом за оградой Оптиной Пустыни, перевез туда свою екатерининскую мебель, портреты предков и стал жить полупомещиком, полумонахом. Духовным его руководителем уже давно был знаменитый оптинский старец отец Амвросий, без благословения которого Константин Николаевич не предпринимал буквально ничего. Самые последние годы его жизни прошли спокойно и не были отягощены каждодневными материальными заботами. Вокруг Леонтьева возник небольшой кружок молодых людей, с которыми он поддерживал обширную переписку и которые изредка навещали его в Оптиной Пустыни. В этот период им были написаны выдающиеся по глубине идей критические статьи: «О романах Л. Н. Толстого» и «Наши новые христиане», где он резко осудил религиозные умствования Достоевского и Льва Толстого.

Летом 1891 года по воле отца Амвросия Константин Николаевич переехал в Сергиев Посад и принял тайный постриг. На новом месте из-за неустроенной жизни и телесной слабости он простыл, получил воспаление легких и скоропостижно скончался 12 (24) ноября того же 1891 года. Леонтьев был похоронен близ Троицкой лавры, в Гефсиманском скиту, на кладбище у церкви Черниговской Божьей Матери.

Д. В. Соловьев

Избранные письма

1. Ф. П. Леонтьевой

25 ноября 1854 г.¹, Еникале¹

Вчера, мой друг, я получил Ваше письмо (второе, первое пропало). Я уже подумал, что Вы не хотели мне отвечать, что все Ваше спокойствие и Ваше ласковое обращение со мной перед моим отъездом были только маской, под которой Вы скрыли до поры до времени решение прекратить со мной всякую близость и откровенность. В этом духе я писал к тетушке, прося ее уведомить меня о том, что с Вами делается. Простите мне такое несправедливое предположение. Оно было для меня гораздо сноснее мысли, что болезнь или новое горе мешает Вам писать. Вы говорили, что не можете быть никогда покойной, что близость военных действий вас тревожит. Я этого ожидал; но ради Бога, успокойтесь и поверьте мне, что я вполне безопасен. Неприятель сюда не будет; это верно. Они не могут теперь отделить 5000 от своих войск у Севастополя; и зачем им нужно наше ничтожное местечко, когда дела им слишком много и там, где они теперь. Предположим даже (чего совершенно никто не предполагает), что Севастополь возьмут; и тогда что же? Нам придется сдаваться без боя, вероятно...

Что касается до службы, то поверьте, я Ваши правила хорошо помню и не спешу ничем, а стараюсь улучшить и свою методу лечить, и присмотр понемногу. Вы понимаете, что сначала было нелегко показать себя с выгодной стороны, после того как, имея на руках не более 10 больных в течение последних 2-х годов, я на первых двух курсах почти ничего, по известному душевному состоянию, не делал! Однако, благодаря Бога, порадуя Вас тем, что лицом в грязь не ударил до сих пор. Живу я по-прежнему у зрителя и лажу с ним тоже по-вашему – без дружбы. Одним словом, взялся за гуж, так не кричи, что не дуж. Вот Вам все о себе.

Письмо Ваше обрадовало меня вдвойне своим откровенным и ласковым тоном. Не знаю, как благодарить Вас за этот тон! Для Вас самих, для общей нашей пользы будьте всегда так со мной, и вы не раскаетесь. Пусть только судьба не откажет мне в отраде увидаться еще с Вами и утешить Вас всем, чем может утешить человек, когда случай хотя немного ему помогает. Долго было бы объяснять Вам, какими путями и до какой степени я дошел до убеждения, что утешение не пустое слово, что радость и искренность в сношениях существуют; Вы не знаете, может быть, что, будучи студентом, я ничему этому не верил; так я был утомлен, и перемена, хотя бы и к худшему, была необходима мне как хлеб; а Вы ведь имеете религию истинную вдобавок; надейтесь же на то, что еще будет отрада, полоса счастья, сдается мне по какому-то неотступному инстинкту, если только грудь моя поправится.

Вы, может быть, думаете, что эгоизм, которым Вы исполнились и который Вы мне описывали, возмутил меня. Нисколько. Я вполне ему сочувствую и понимаю его не как низость, не как ожесточение, а просто как холодность усталого и обманутого в ожиданиях сердца. Это еще не беда для окружающих; люди с таким эгоизмом часто делают больше добра, нежели с горячими движениями; они не тратят доброты на всякого и холодным расчетом чести приносят пользу. Знаю, очень хорошо знаю, как Вы теперь смотрите на вещи, знаю также, что я и сам был невольной причиной Вашего охлаждения ко всему, и потому только извиняю себе больше, нежели другим, что у меня есть искреннее желание вознаградить Вас, мой друг, чем поможет судьба.

---

¹ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю. Знаком * обозначены подстрочные примечания, цифрой – комментарии в конце каждого письма.

К тетушке Катерине Борисовне² прилагаю записку и хочу просить Вас об одном предмете, довольно противоречащем тому эгоистическому направлению, в котором Вы теперь находитесь. Дело в том: не можете ли Вы вообразить, что я все еще в университете и что Вы мне даете 10 руб. в месяц; отдайте их тетушке на покупку в Москве минеральных вод, которые ей советовал через меня пить Ротрофи³. Она и без того тратит рублей 5 сер<ебром>, я думаю, в месяц на лекарства; пятнадцать же будет вполне достаточно. На всякий случай приложу необходимую записку к Ротрофи с просьбой выслать эти воды, в случае Вашего согласия на это доброе дело. Я убежден, что они облегчат ее много, и так как с ее стороны Вы не видали неблагодарности, то я надеюсь, что Вы на это изъясните согласие.

Прощайте, целую Вас и благодарю за милое письмо.

Прощайте, мой дружок.

К. Леонтьев

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 1–9, СПб., 1912–1914. Т. 9. С. 155–158.

Феодосия Петровна Леонтьева (урожд. Карабанова, 1794–1871) – мать К. Н. Леонтьева. Дочь богатого помещика, генерала. Получила блестящее образование в Петербургском Екатерининском институте. Оказала большое влияние на умственный склад и эстетические вкусы своего младшего сына. Часть ее записок, начатых по настоянию Леонтьева и относящихся к Отечественной войне 1812 г., была опубликована в «Русском вестнике» (1883, кн. 10–12; 1884, кн. 2).

¹ *Еникале* – крепость на крымском берегу Керченского пролива.

² *...тетушке Катерине Борисовне* — Е. Б. Леонтьевой, сестре отца К. Н. Леонтьева, всецело отдавшей себя заботам о детях своего брата.

³ *Ротрофи* — неустановленное лицо. Вероятно, один из московских врачей.

2. Ф. П. Леонтьевой

23–24 декабря 1854 г., Еникале

Письмо ваше, дружок мой, от 23 ноября получил 23 декабря, т. е. вчера. Сколько перемен, может быть, случилось в наших странах с тех пор! А у нас самая лучшая и важная перемена та, что вчера выпал снег и за ночь его так подморозило, что окрестность совершенно стала похожа на русскую. Я с большим удовольствием погулял в поле и не раз восхищался тем, что купил себе дубленку. Дела по-старому; так по-старому, что даже журналы в Керчи до сих пор октябрьские, и я ничего не знаю о судьбах моего «Лета на хуторе»¹! Конечно, мне уже не привыкать стать к разочарованиям, подобным тому, которое может постичь меня в лице этой повести; но не понимаю, что могут найти в ней предосудительного, безнравственного или непристойного. От Тургенева я имею два письма²; одно через Вас, другое прямо из Петербурга; но, кроме обещаний помощи, ничего до сих пор нет. Я и за это ему очень благодарен. Задача в том, чтобы прожить от января до мая (в мае я получу следующую треть жалованья), и я, слава богу, нашел человека, который заранее уже взялся с 1 января поставлять мне кофе, сахар, свечи и табак; я имел случай оказать ему одолжение, и он очень охотно берется за это, тем более что уверен в платеже: начальство уже вычтет из жалованья. Итак, с этой стороны я спокоен. Стол обходится мне около 2–3 руб<лей> с<еребром> в месяц, а иногда и меньше. Больше мне ничего не надо для существования; а будет здоровье в таком же виде, как и теперь (даже если и не лучше), сумею добыть из Петербурга! Практики здесь, конечно, нет и быть не может. Лечатся или небогатые офицеры в гошпитале, или кто-нибудь по знакомству. Был, например, один случай довольно забавный: лежал в гошпитале довольно пожилой казачий офицер. Болезнь его была такого рода, что военной службы он продолжать не мог; просил свидетельство и умолял о поправке временной (у него была застарелая грыжа, которая перестала даже вправляться); я повел дело довольно удачно, так что грыжа через несколько времени достаточно вошла и можно было носить обыкновенный бандаж. Я обещал ему похлопотать о свидетельстве у главного лекаря, и он, заметив, что дело продвигается не слишком скоро, поймал меня раз в сенях и протянул мне что-то в бумажке; я засмеялся и сказал, что в подобных ободрениях не нуждаюсь, что его дело законное и потому он может благодарить меня за лечение и за хлопоты после. Все устроилось, и мой герой улизнул на рассвете, чтобы не встречаться со мной. Вот какие гоголевские сцены случаются иногда со всяким. Однако я надеюсь, что перевод в Керчь (если он осуществится, так это будет к весне) даст, может статься, делам иное направление. <...>

Поверьте же мне, что при том состоянии здоровья, каково мое, я не должен ничего так бояться, как дурного образа жизни и... особенно климата. Здешним я пока, за неимением лучшего, доволен; однообразная жизнь моя, конечно, скучна, но я утешаю себя занятиями и тою мыслию, что это все за-платится мне, как уже не раз было заплачено. Вы пишете, что одна капля крови моей заставит вас никогда не простить моего вступления в службу; а потом прибавляете тут же, что ваше одно желание – видеть меня здоровым и счастливым. Счастливым и даже довольным я себя не назову, но назову себя спокойным пока, а кровь моя... что вам в ней? Во-первых, медиков никогда почти никто не убивает; а во-вторых, я сейчас дал бы себя ранить (даже в лицо! Конечно, не слишком уродливо), если бы знал, что за это буду в состоянии хоть несколько лет прожить немного по-своему. А главное дело – не думайте много обо мне, если можете; поезжайте в Москву, в Петербург, старайтесь рассеяться. А со мной что будет, то будет... Невозможно предполагать, чтобы вся жизнь была из одного труда и неудач. Бог даст, и выйдет что-нибудь. <...>

Прощайте, дружок мой... Как бы я рад был с Вами пожить, но только при хороших условиях с моей стороны! Вы думаете, что мне вздыхалось из корысти по вашему флигелю, напрасно! Просто о Вас вздыхалось. Прощайте, целую Вас. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 158–161.

¹ «*Лето на хуторе*». – «Была у меня тогда (в 1854 г. – Д. С.) начата другая повесть „Лето на хуторе“. <...> Тургенев прочел три главы из нее и хвалил не без строгих замечаний». (Мои дела с Тургеневым, в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 127). Повесть опубликована в журнале *Отечественные записки* (1855, кн. 5).

² *От Тургенева я имею два письма...* – И. С. Тургенев принимал деятельное участие в литературной судьбе Леонтьева, который познакомился с ним весной 1851 г., когда принес Тургеневу свою комедию «Женитьба по любви». Тургенев передал рукопись в журнал «Отечественные записки» (не была напечатана из-за цензурного запрета) и писал по поводу нее Леонтьеву: «...это сюжет не говорю антисценический, но антидраматический; интерес в нем даже не психологический. Но со всем тем это вещь замечательная и оригинальная» (письмо от 12 июня 1851 г., см. *Тургенев И. С.* Письма, Т. 2. М.; Л., 1961. С. 30). Тургенев ввел Леонтьева в московский салон влиятельной писательницы Евгении Тур, где он познакомился с Т. Н. Грановским, М. Н. Катковым и многими другими московскими знаменитостями. Кроме того, Тургенев неоднократно возил рукописи Леонтьева в петербургские журналы. В январе 1853 г. Леонтьев побывал в имении Тургенева Спасском-Лутовинове. О своих отношениях с Тургеневым он оставил воспоминания «Мои дела с Тургеневым» (*Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9). Свое отношение к Леонтьеву Тургенев выразил в письме к П. В. Анненкову 10 января 1853 г.: «У меня гостил несколько дней Леонтьев. <...> Талант у него есть, но он весьма дрянной мальчишка, самолюбивый и исковерканный. В сладострастном упоении самим собою, в благоговении перед своим „даром“, как он сам выражается, он далеко перешеголял полупокойного Федора Михайловича, от которого у Вас так округлялись глаза. Притом он болен и раздражительно-плаксив, как девчонка» (там же. С. 104). Впоследствии Тургенев переменял свое мнение относительно литературных достоинств Леонтьева и писал ему 4 мая 1876 г.: «Так называемая беллетристика, мне кажется, не есть настоящее Ваше призвание; несмотря на Ваш тонкий ум, начитанность и владение языком, – Ваши лица являются безжизненными» (*Тургенев И. С.* Письма. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 258).

3. Ф. П. Леонтьевой

10 января 1855 г., Еникале

<...> Теперь у нас, мой друг, установилась зима и довольно пока сухая, т<ак> ч<то> ходить вовсе не неприятно. Часто думаю о кудиновских снегах и приятно (хотя и не без досады) мечтаю о том времени, когда у меня будут средства хоть небольшие, да независимые, с которыми я мог бы хоть на несколько лет прижиться в милом Кудинове¹. Чем пустее и беднее становится оно, тем больше является у меня охоты поправить и оживить его своим присутствием. Не хочу отчаиваться и думать, что эти года испытания в совершенно несообразном с моим духом образом жизни пройдут даром; эта-то надежда и делает то, что моя настоящая служба тоже нравится мне порой, как невкусное лекарство, от которого видишь пользу. <...>...на днях посылаю еще одну рукопись в Петербург, несмотря на поражение, которое, должно быть, снова нанесла цензура моему «Лету на хуторе», должно быть, потому, что ни Тургенев, ни Краевский² не пишут ни слова. Нет, цензура не так-то скоро от меня отделается. Буду биться до последней капли крови. Под Севастополем ничего, кажется, нет особого; неприятельские солдаты, слышно, очень зябнут и часто перебегают к нашим бивачным огням. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 163–164.

¹ *Кудиново* — родовое поместье Леонтьевых в Мещовском уезде Калужской губернии.

² Андрей Александрович *Краевский* (1810–1889) — известный журналист. Помогал Пушкину в редактировании «Современника». С 1839 г. издавал «Отечественные записки», а в 1852–1862 гг. — газету «С.-Петербургские ведомости». В 1862 г. основал влиятельную либеральную газету «Голос». После ее закрытия отошел от активной деятельности, сохраняя номинальное положение издателя «Отечественных записок». Леонтьев был постоянным сотрудником этого журнала до перехода его к Н. А. Некрасову и М. Е. Салтыкову-Щедрину. В «Отечественных записках» опубликованы его романы, повести, очерки и статьи: «Лето на хуторе» (1855, кн. 5), «Сутки в ауле Биюк-Дорте» (1858, кн. 8), «Письмо провинциала к Тургеневу по поводу романа „Накануне“» (1860, кн. 5), «Второй брак» (1860, кн. 4), «О сочинениях Марко Вовчка» (1861, кн. 3), «Подлипки» (1861, кн. 9–11), «В своем краю» (1864, кн. 5–7), «Ай-Бурун» (1867, кн. 7).

4. Ф. П. Леонтьевой

24 января 1855 г., Еникале

<...> Вчера, к неописуемому собственному удивлению, сделал ампутацию в первый раз и, пока еще не остыло первое ожесточение, постараюсь сделать на днях еще пару... Вот Вам разнообразие; и все в этом же роде, то побранишься с фельдшером, то порадуешься над выздоравливающим, то проклянешь медицину в неудачный час... Как переходную эпоху такую жизнь допустить можно, и, оглянувшись назад, я вижу все-таки, что, несмотря на первые трудности, скуку и совершенно несвойственный моим прежним привычкам образ жизни, вижу, что эти четыре-пять месяцев сделали свое дело, заставили забыть душевную постоянную тоску, придали опытности в житейских сношениях и обратили к какой-то простоте, которая хоть и не имеет старинной свежести, но не лишена своей ценности. Эти-то вещи имел я в виду, уезжая, настолько же, насколько и воздух Крыма, и достиг их; я чувствовал, что моей душе нужен крутой поворот, потому что в ней все было притупилось: вот Вам истинная цель моя и причина упорства, с которым я стоял за этот отъезд! Теперь Вы не только из осторожности на словах, но и внутренне не можете осудить моего поступка. Если он не приведет к добру, если случится со мной какое-нибудь несчастье, то это, конечно, будет дело случая, от которого не уйдешь нигде (хотя, конечно, дома, в Кудинове, с Вами самая смерть была бы во сто раз сноснее!); но, одним словом, одна из главных целей, известная степень душевного излечения достигнута, остальные же надо предоставить судьбе! Быть может, не далее, как это лето, мы опять будем вместе?! Вы, конечно, сами понимаете, что настоящая моя жизнь может быть допущена только как лекарство, а не как постоянная пища; да я никак уже 3-й раз делаю это блестящее уподобление?!

Прощайте, мой милый дружок, пожалуйста, старайтесь быть веселее и не сердитесь ни на меня, ни на кого. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 164–166.

5. Ф. П. Леонтьевой

10 марта 1855 г., Еникале

<...>...Насчет же Вашего характера не думайте, ради бога, ничего; он нимало не был причиною моего отъезда; в последнее время я ни в чем не мог упрекнуть Вас, кроме нескольких жестоких *procédés*² относительно той девушки¹, на которой думал жениться; но это все было простительно. Она осталась в моих глазах до сих пор тем же, чем была; а на Вас я и тогда за эти слова не сердился, зная, что любовь Ваша ко мне и, кроме того, ошибочные убеждения и незнание многих обстоятельств внушили их Вам. За это сердиться нельзя; несмотря на Ваши слова, Вы, может быть, помогли бы мне, если бы было чем, я знаю Вас и умею извинять от души минутный гнев любящего человека. За что же Вы нападаете на себя? Нападайте только на одно безденежье, которое всех нас связывает по рукам. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 170–173.

¹ ...относительно той девушки... – «По приезде в Москву он (Леонтьев. – Д. С.) поселился в доме Охотниковой, находившейся в свойстве с его матерью, познакомился там с родственницей хозяйки, барышней Зинаидой Яковлевной К-ой, и полюбил последнюю. Отношения их длились около 5 лет и принимали разные формы „от дружбы до самой пламенной страсти“. Но их брак не состоялся; между прочим, этому браку противилась Феодосия Петровна, которой была неприятна эта девушка, годами старшая Константина Николаевича» (*Коноплянцев А.* Жизнь К. Н. Леонтьева. Сборник «Памяти К. Н. Леонтьева». СПб., 1911. С. 16). Других сведений о Зинаиде Яковлевне К. не обнаружено.

---

² Поступки (*франц.*). Здесь и далее перевод иноязычных выражений и писем Д. В. Соловьева.

6. Ф. П. Леонтьевой

18 мая 1855 г.

Пока все благополучно, милый друг мой. Керчь сдана неприятелю – это правда. Еникале взят¹. Но войска отступили в глубь полуострова, и я со своими донцами живу на биваках. Не беспокойтесь за мое здоровье; от простуды я предохранил себя, за седлом у меня ездит теплая шинель и большие сапоги на гуттаперче. А усталости я не чувствую никакой; скорее даже отдыхаю в этой свободе на чистом воздухе после гошпитальной жизни. В деньгах не нуждаюсь покамест. <...> Действительно, я случайно встретил казака, который только что отвез товарища в еникальский гошпиталь уже тогда, когда первый неприятельский пароход вышел из-за мыса в Керченскую бухту; у казака была лишняя лошадь, и мы вместе присоединились кой-как к полку. Денщик мой с вещами тоже благополучно спасся. Мы каждый день встречаем керченских жителей, которых союзники выпускают свободно, и они рассказывают довольно согласно друг с другом про тамошние приключения. Говорят, турки и татары начали было шутить, но французский адмирал не стеснясь расстреливает и вешает их за всякие притеснения жителям. Англичане и французы вообще держат себя хорошо, входят даже в церковь, крестясь; только бы винный погреб им не открыли. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К. Собр. соч.* Т. 9. С. 176, 177.

¹ *Керчь сдана неприятелю... Еникале взят.* – Союзники заняли Керчь без сопротивления 13 мая 1855 г. (а не 12 мая, как утверждает Леонтьев). Воспоминания об этих событиях – «Сдача Керчи в 1855 г.» – Леонтьев впервые опубликовал в 1887 г. в газете «Современные известия» (*Леонтьев К. Собр. соч.* Т. 9).

7. Ф. П. Леонтьевой

Без даты [1855 г.]

<...> О настоящем почти нечего больше сказать; жизнь однообразна довольно; проснулся в 5, в 6 часов утра напился чаю; до полудня пролежал в палатке, покурив, в полдень пообедал, большей частью у полковника; а там опять то же до ужина. Поговорим лучше о будущем или о тех предприятиях, которые могут иметь на него влияние. Если не случится похода за границу или чего-нибудь подобного, могущего соблазнить, я полагаю осенью переправиться в Московский военный госпиталь с тем, чтобы попробовать подготовиться на доктора. Знаете, как вспомнишь, что уже 25 лет, а все живешь в нужде и не можешь даже достичь до того, чтобы хоть одетым порядочно быть, так и станет немного досадно, вспомнишь, сколько неудач на литературном поприще пришлось перенести с видимым хладнокровием, сколько всяких дразг и гадостей в прошедшем, так и захочется работать, чтобы поскорее достичь хоть до 1000 р<ублей> с<еребром> в год. В крымской моей жизни было много трудностей, много того, что зовут борьбой с обстоятельствами, но я не ошибся, предсказавши сам себе, что такая жизнь в глуши и посреди новой обстановки должна исцелить мою душу от прежней болезненности, от этого глубокого равнодушия ко всему, которое препятствовало мне жить в Москве; я благодарен Крыму до сих пор, хотя никогда в жизни я не был принужден отказывать себе во столько, как в настоящую пору; оно и выходит на проверку, что человек, не лишенный ума и души, может переносить все, если только самолюбие его не оскорблено, уважение к себе не унижено завистливостью от пустых людей, а особенно если не видит около себя тех людей, которые слишком живо напоминают ему его недавние страдания. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 177, 178. Датируется предположительно по тексту.

8. Ф. П. Леонтьевой

7 октября 1855 г., Келеши-Мечети

<...> Больных у меня не больше 10; есть хорошая, не читанная еще медицинская книга; может быть, и вдохновение посетит меня немножко, а то что-то не писалось все время; Вы знаете мою манеру задумывать 10 повестей разом, эта несчастная способность делает то, что конец любой какой-нибудь вещи пишется тогда, когда мысль или чувство сюжета уже остыли во мне. Я еще не решил, чему приписать то, что я так мало печатал; лени нельзя; это не наука, для которой достаточно рассудка и труда; больному самолюбию, которое, удовлетворившись первыми похвалами и собственным сознанием, хочет в печати или много, или ничего; или, наконец, обстоятельствам: больной душе в России, множеству забот в Еникале, а по взятии Керчи, лагерному одеревенению разума... Я знаю, что говорю о предмете, когда-то для Вас враждебном, но, вероятно, теперь Вы помирились с ним, увидав, как мало мешает он моей медицинской службе, и не будете осуждать даже внутренне мою эгоистическую болтовню. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 178, 179.

9. Ф. П. Леонтьевой

6 марта 1856 г., Биук-Хаджилар

Сейчас, часа три тому назад, воротился я из одного аула верстах в пятидесяти от нас, где я провел двое суток с больным офицером нашего полка, он переломил себе ключицу. Погода скверная тем, что на возвратном пути (прямо от Вас) дует сильнейший ветер, снегу, однако, уже нет, так что я, отправившись в тулупе и в двойном сером пальто верхом, остался очень доволен. Трудно выразить, насколько свежий воздух и верховая езда после долгого сидения в хате обновляют меня всякий раз! Жаль, лошади нет своей, а покупать не стоит: деньги нужны теперь. Искал двух Ваших писем последних в бумагах и, перебирая их, навел на себя грусть; видишь исписанной бумаги много, много положено дорогого сердцу труда, а конечного ничего еще нет! Так как вспомнишь, что уже 26-й год пошел, как-то словно страшно станет, что ничего капитального еще не сделал. Нет, надо, надо ехать домой и, посвятивши целый год тишине и свободе, написать что-нибудь определенное, которое могло бы мне самому открыть, до какой степени я силен и в чем именно слаб! А потом что Господь даст. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 179–181.

10. Ф. П. Леонтьевой

25 августа 1856 г., Симферополь

<...> Вы говорите о службе моей, о том, чтобы я не оставлял ее, если хочу слышать Ваш совет. Вы согласны ли с тем, что лучше быть медиком, чем коллежским ассессором? И хотя Вы почему-то думаете, что практическая медицина еще не по вкусу мне, однако какой-нибудь успех у постели больного (и конечно, еще лучше, если за ним следует выгода) больше в 20 раз радует меня, чем всевозможные ассессоры. Я честолюбив, может быть, очень, но не на наши русские чины, которые можно принимать только как выгодное следствие службы, а не как цель ее. Самолюбие мое немного повыше целит, а деньги дороже генеральства самого, потому что с ними я могу удовлетворить своим вкусам. Чины – это к делу медицины все равно, что горчица к бифштексу: есть она – вкуснее, нету – черт ее побери, и без нее будешь сыт. А на конверте-то теперь все, кроме Вас, пишут мне «Высокоблагородие»! Ей-богу, у меня есть вещи получше коллежского ассессора в голове, до которого пришлось бы в военной службе тянуть еще лет шесть по крайней мере. Я слишком небогат, чтобы составлять непреклонные планы и вдобавок еще слаб здоровьем. Вы это знаете, и те планы, о которых я Вам писал, нечто больше, как желание, так или иначе, только бы устроиться. И что придется делать в Москве – совершенствовать себя в медицине или, отложив ее на время, стараться только заработать деньги на поездку в Италию, где вместе с климатом почище крымского для груди есть и университет для занятий, – этого я заранее решить не могу. Опять-таки смотря по деньгам и по здоровью.

Одно только верно, что побывавшему за границей совсем другая дорога в том самом деле практической медицины и денежного заработка, в которых Вы бы желали меня видеть молодцом. И все Вы не то говорите! Например, что такое за беда, что Вы полнеете? Дай Вам Бог; а поехать куда-нибудь со мной это не помешает. И отчего же не сказать Вам о том, что мне мечтается иногда путешествовать с Вами? Какой тут вред? Поверьте мне, стоит Вам только немного быть поуступчивее, я бы ужился с Вами. Попробуйте, еще не поздно, Вы уже своим умом жили довольно, попробуйте пожить моим. Поверьте, не раскаемся оба, только бы здоровья Бог дал. Ведь, уж кажется, Вы давно убедились, что отношения Ваши ко мне не таковы, как к другим Вашим детям? Вникните в дело, разберите хорошенько, и Вы увидите, что в ссорах со мной вредило Ваше упорство. Вспомните, капризы Ваши я всегда сносил без злой памяти, когда Вы в них каялись. Капризы снести можно всегда, когда видишь, что человек не прав, а сознаться не хочет, потому что он родил другого, а не другой его. Да разве Вы из тех дюжинных матерей, которые дальше своего чулка ничего не видят?! То, что можно извинить Наталье Васильевне Охотниковой¹, потому что глухота остановила ее мысль навсегда, или Прасковье Васильевне Романовой², потому что она ничего не видала, Вам простить нельзя. Потому что я люблю в Вас не только мать, но и женщину, я убежден, что Вы так же понимаете, как и новое поколение, только не хотите в том сознаться из привязанности к некоторым старинным вкусам и воспоминаниям. Вы сами не видите этого, но, поверьте мне, Вы на моих глазах переменялись во многом к лучшему! Последние месяцы, которые я с вами провел в Кудинове, я забыть не могу; никогда мы с вами так хорошо не жили. И если я в себе постараюсь отыскать, отчего мне было приятно, так сейчас вспоминаю несколько случаев, в которых вы как будто уступили мне, как будто боялись меня раздражить. Нечего описывать эти сцены, при свидании я напому их Вам. Человек с трудом только может себе вообразить то впечатление, которое он производит на других, и Вы, быть может, не потрудились над этим, так вот что: Вы на детей (и на меня с малолетства) производили впечатление *de haut en bas*³. Вы, нечего и говорить,

---

³ Высокомерие (франц.).

умнее всех моих братьев и сестер, взятых вместе, образованнее их. Ваша настойчивость к тому же и Ваша вспыльчивость, которой все трепетали, которой и я боюсь до сих пор, заставляли смотреть на Вас совсем другими глазами, нежели я смотрю на Вас теперь. Теперь я вижу в Вас пожилую, уставшую, обманувшуюся в себе и других женщину, которую мне от души жаль, а я так устроен, что люблю более или менее тех, кто, мне кажется, более достоин соболезнования, нежели я сам, потому что себя я очень жалею и по бедности, и по нездоровью. Поняли Вы меня? Согласны ли Вы, что, если Вы захотите, мы можем жить мирно, если придется жить вместе? При таких условиях я желал бы, конечно, и при перемене места быть с Вами. Вы говорите, что видите часто меня во сне, а я недавно видел, что Вы в талатановом платье с короткими рукавами и вечером в большой зале сватали мне бывшую Наташу Буланину³, которую я очень крепко целовал (вероятно, оттого, что на ночь наелся баранины с перцем), и мы вместе все трое ругали Аграфену Павловну⁴.

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 181–184.

¹ *Наталья Васильевна Охотникова* — хозяйка дома в Москве, где жил Леонтьев, учась в университете.

² *Прасковья Васильевна Романова* — неустановленное лицо.

³ *Наташа Буланина* — неустановленное лицо.

⁴ *Аграфена Павловна* — неустановленное лицо.

11. Н. Ф. Леонтьевой

1 мая 1857 г., Феодосия

<...> Выгод, повторяю, я здесь никаких не имею, и не хочу марать себя в мирное время военной службой. Итак, не беспокойтесь обо мне насчет Москвы. Что будет, то будет; если я не вынесу климата – пусть! Лучше совсем пропасть, чем пресмыкаться в неизвестности. Я имею такого рода религию: кто кому нужен – тот будет жив, а кто ни на что не пригодится Богу на земле, так и жалеть его нечего! Если московский климат будет труден, а дела хороши, то один год или полтора не убьют меня; в полтора года можно многое кончить и опять уехать. Самое пламенное мое желание провести 4–5 месяцев в Кудинове, кончить роман и тогда ехать работать в Москву. Насчет развлечений – не думайте об них; мне не до них, я их забыл. И что за развлечения с 20 р<ублями> сер<ебром> в месяц. Уж веселиться, так веселиться, а дешевые удовольствия не по нас! То есть это я к тому, что Вы за мою кудиновскую обстановку не беспокойтесь. Поверьте мне: после лишений крымских Кудиново будет для меня волшебным замком! Да неужели Вы примете за фразу, если я Вам скажу, что Ваше общество было бы мне истинно дорого! Когда тесно – мы ссорились, да и как же: Вы кропотливы и щепетильны, я небрежен в хозяйстве, Вы пуританка по образу мыслей, а я больше à la Беранже по нравственности. В Кудинове же мы редко ссорились, а приятных минут у нас много в памяти (т. е. у меня, по крайней мере). А что других членов семейства нет, так тем лучше! Покойнее! Вы, конечно, не сомневаетесь, что можно расходиться в образе мыслей и любить человека от души. Ваша неправда приятнее мне иногда, чем иная правда от других, к которым я совершенно равнодушен. Итак, молитесь только Бога, чтобы я был здоров и добрался бы до Кудинова, да устройте мне эти 150 р<ублей> сер<ебром> от Краевского. А тогда, Бог даст, и поправимся! Ничего!

Прощайте. Целую вас 30 000 раз.

Впервые опубликовано в кн.: *Леонтьев К.* Собр. соч. Т. 9. С. 184, 185.

12. Ф. П. Леонтьевой

Весна 1857 г., Феодосия

<...> До первого июля буду есть, курить и пить кофе на счет одной милой девушки¹, с которой мы всегда делимся, как можем: когда у меня есть деньги, она берет от меня подарки, а теперь она взяла шить наволочки и чехлы на стулья у кого-то, чтобы я мог есть и курить табак до июля. <...>

Впервые частично опубликовано в кн.: «Литературное наследство». Т. 22–24. М., 1935. С. 492.

¹ ...одной милой девушки... – Имеется в виду Елизавета Павловна Политова, будущая жена Леонтьева (см. коммент. к письму 16).

13. И. С. Аксакову

7 марта 1862 г., Петербург

Милостивый государь Иван Сергеевич!

По газетам видно, что в славянских областях Австрии и Турции продолжается брожение¹. Не угодно ли Вам к весне и даже сейчас, если нужно, человека туда? Агентом, корреспондентом, явным или тайным, – это мне все равно. Я Вас знаю давно лично, но Вы, вероятно, забыли меня. Фамилия моя Леонтьев. Последний раз Вы встретили меня военным медиком в Крыму у И. Н. Шатилова² в деревне (в Тамаке). Года 1½ тому назад я оставил медицинскую службу, чтобы заняться в Петербурге литературой, к которой меня тянуло с малолетства. Не скажу, чтобы дела мои шли здесь особенно плохо, но я расположен писать длинные романы и не знаю, чем бы я не пожертвовал, чтобы они достигали до того эстетического идеала, который меня терзает! Поэтому-то я и не могу, и не хочу работать романы к спеху и считаю такое дело поруганием, какой-то подлостью. Стряпать же рутинные статейки в здешние периодические издания по части публицистики и т. п. мне тоже не по нутру. Я, может быть, ошибаюсь, но мне кажется, что там под руководством коротко знакомых с тамошними делами людей можно сделать какую-нибудь пользу; больше, по крайней мере, чем сгнивая в Петербурге литературным пролетарием. А медленному созреванию больших романов (главной моей цели) походная жизнь скорей благоприятна, чем вредна. Бивачную жизнь я уже несколько испытал во время Крымской кампании. Исполнителя Вы во мне найдете искреннего и добросовестного – единственная вещь, за которую имеешь право сам ручаться. Славянскими языками я не занимался, но пробовал читать чешские, болгаро-македонские и малороссийские стихотворения и нахожу, что, взявши с собой по Вашему указанию какие-нибудь словари, можно легко и скоро начать объясняться с бедными славянами. Скажите, неужели нельзя пригодиться? Правительственного взыскания я не боюсь: что в нем страшного? Страшнее в 1000 раз петербургская пошлость и проза! Для меня страшно все то, что мешает вдохновению, и не страшно то, что благоприятствует ему. Хотя я немного поотстал от медицины в эти два года, но на те простые хирургические пособия, которые там особенно могут понадобиться, совершенно способен; значит, и это можно взять в расчет. Если бы я знал, что мое горячее желание ехать туда, где есть жизнь и поэзия, сбудется, я бы мог здесь повторить немного хирургии и хоть сколько-нибудь заняться тем из славянских наречий, которое бы Вы назначили. Что касается до содержания, так в этом я вполне положился бы на Вас, кроме только двух условий: рублей 500–600 в год доставлять матери моей по адресу, который я сообщу, а мне туда посылать столько, сколько нужно для содержания себя и лошади при каком-нибудь черногорском или сербском начальнике, к которому Вы меня пошлете. Если Вам угодно знать, как я пишу, посмотрите мой роман «Подлипки» в «Отечественных записках» за сентябрь, октябрь и ноябрь 1861 года. Я знаю, что дух моего романа Вам не понравится, по Вашему образу мыслей, я думаю, он должен Вам показаться несколько растленным, несмотря на отречение в конце, но не об духе его и речь, с этой стороны мы можем не сходиться, Вы можете порицать меня, это как Вам угодно, я указал Вам на него только для того, чтобы Вам легко было решить, могу ли я наблюдать и писать оттуда. Будьте так добры, ради бога – ответьте даже «нет» поскорее, Вы не поверите, как мне мучительно будет ждать ответа.

Покорный слуга Ваш *К. Леонтьев*

Публикуется по автографу (ИРЛИ).

Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) – один из вождей славянофильства. Сын писателя С. Т. Аксакова. Окончил курс училища правоведения. Служил в Сенате, Калужской Уголовной палате и чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел. С 1852 г.

посвятил себя журналистике. Редактировавшиеся им издания подвергались систематическим цензурным преследованиям. Во время войны с Турцией 1877–1878 гг. деятельность Аксакова получила столь широкую известность, что его выдвинули кандидатом на болгарский престол. Влад. С. Соловьев писал об Аксакове: «...хотя Аксаков и разделял предрассудки и заблуждения своей партии, он стоял выше обыденных панславистов не только по своему таланту, но и по своей добросовестности, по искренности своей мысли и прямоте своих слов» (*Соловьев В. Русская идея*. М., 1911. С. 22).

¹ ...в славянских областях Австрии и Турции продолжается брожение. – Имеется в виду Герцеговинское восстание 1861–1862 гг., к которому весной 1862 г. примкнула Черногория и которое было жестоко подавлено турками.

² Иосиф Николаевич *Шатилов* (1824–1889) – сельский хозяин и общественный деятель. Был председателем Московского Общества сельского хозяйства. Леонтьев вспоминал: «Я по заключении Парижского мира в 1856 и 1857 гг. гостил долго в прекрасном степном имении И. Н. Шатилова в Крыму. <...> У Шатиловых я жил не без дела; я был годовым доктором⁴ и лечил очень удачно его русских крестьян, татар и дворовых» («Литературное наследство». Т. 22–24. М., 1935. С. 459, 460).

---

⁴ То есть на годовом жалованье. (Примеч. К. И. Леонтьева.)

14. Н. Н. Страху

20 мая 1863 г., Петербург

Милостивый государь!

Я просил А. А. Григорьева¹ передать Вам 2 статьи. Начало одной: письмо Обскурантова к Е. В. Базарову по поводу «Казаков» гр. Толстого и другую, писанную по поводу «Отцов и детей», прошлого года. В этой я хотел оставить только общее рассуждение об «идеале и средней величине», чтобы доказать, почему можно, не соглашаясь, напр<имер>, хоть с Добролюбовым и т<ому> подобными, уважать их личность и верить в одностороннюю пользу их деятельности. А. А. Григорьев нашел эти статьи слишком большими для «Якоря»², и я просил его передать во «Время»³. Но я уже устал ездить к нему за решением и не могу тратить времени на исправление и окончание статей, пока не буду знать, есть ли им место. В умеренные органы их не примут. Мне бы естественнее всего помещать статьи во «Времени», если (скажу откровенно) оно решится напечатать то, с чем оно внутренне согласно (это видно между строками): т. е. 1) что прекрасное важнее полезного; 2) что широкое развитие важнее счастья; 3) что только на почве зла вырастает добро и великие личности; 4) что лучше война, поэтические суеверия и доблестные предрассудки, чем всеобщая бесцветность... 5) что народность (нам особенно) нужнее демократической гуманности (об этом есть уже большая статья) и т. д.

Прошу Вас об одном: если статьи у Вас – ответьте, когда приехать к Вам за решением. Времени потеряно уже и без того много. Вот мой адрес: на Лиговке, в доме Фридерикса, Константину Николаевичу Леонтьеву. Последний подъезд на углу, коридор № 16.

Публикуется по автографу (РНБ). Год установлен в соответствии с текстом.

Николай Николаевич Страхов (1828–1896) – известный критик, публицист славянофильского направления и популяризатор науки. Был близок с Аполлоном Григорьевым, Ф. М. Достоевским, Влад. Соловьевым и Л. Н. Толстым. Редактировал журнал «Отечественные записки». Член-корреспондент Академии наук. Много занимался переводами, написал несколько книг по философии науки. Был убежденным сторонником теории Н. Я. Данилевского и защищал его книгу «Россия и Европа» в ожесточенной полемике против Влад. Соловьева. Современниками личность Страхова оценивалась противоположно. По мнению Л. Н. Толстого, «он был очень серьезный человек, умный. Он был критик лагеря, не согласного с Михайловским, Добролюбовым. Человек очень умный, образованный, философской эрудиции» (Яснополянский записки Д. П. Маковицкого. М., 1979. Кн. 2. С. 364). С точки зрения Ф. М. Достоевского, у Страхова не было «никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости» («Литературное наследство». Т. 83. Неизданный Достоевский. М., 1971. С. 619). Страхов так оценивал Леонтьева в письме к В. В. Розанову: «Леонтьева я давно знаю, но не описываю Вам, чтобы не согрешить; он очень недурен был собой и великий волокита; несчастным он быть не способен» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. 260).

¹ Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864) – выдающийся критик славянофильского направления. Поэт. Сотрудничал в журналах «Москвитянин», «Время», «Русская беседа», «Библиотека для чтения», «Якорь». Противостоял Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову и Д. А. Писареву. Леонтьев высоко ценил критический дар Григорьева: «Придет время, когда поймут, что мы должны гордиться им более, чем Белинским, ибо если бы перевести Григорьева на один из западных языков и перевести Белинского, то, без сомнения, Григорьев иностранцам показался бы более русским, нежели Белинский, который был не что иное, как талантливый перелазатель европейских идей к нашей литературе» (Леонтьев К. Собр. соч.

Т. 7. С. 26). Леонтьев оставил воспоминания о Григорьеве (опубликованы в кн.: *Григорьев А. Воспоминания*. М.-Л., 1930).

² «Якорь» – ежемесячная политическая и литературная газета. Издавалась в 1863–1865 гг. в Петербурге. Ее первым редактором был Д. Григорьев.

³ «Время» – журнал, издававшийся в Петербурге М. М. и Ф. М. Достоевскими в 1861–1863 гг. Главными сотрудниками его были Н. Н. Страхов и А. Григорьев. Закрыт после опубликования статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», посвященной отношениям России и Польши.

15. И. С. Аксакову

16 июля 1863 г., Петербург

<...> Я знаю, что люди с крайним направлением часто предпочитают самых безличных союзников, но как я уже говорил Вам, едва ли теперь время быть слишком исключительным и строгим. Остатку моему я найду место, и остаток этот состоит не в равнодушии к национальной религии или к народному быту (избави меня Бог!), а в большем, нежели у Вас, расположении к пышной стороне жизни (напр<имер>, Потемкин¹ или Пушкин столько же мне по сердцу, как и Вашему покойному брату; те экстензивны, Кон. Серг-ч Акс.² был и экстензивнее, но они все трое наши; и т. д. в этом роде!). Неужели из-за этого Вы отвергнете искреннего друга Вашего направления? <...>

Публикуется по автографу (ИРЛИ).

¹ Григорий Александрович *Потемкин* (1739–1791) – государственный деятель, фельд-маршал. Жил окруженный азиатской роскошью.

² Константин Сергеевич *Аксаков* (1817–1860) – один из зачинателей славянофильства. Сын С. Т. Аксакова и брат И. С. Аксакова. Прославился как яростный полемист в московских салонах и гостиных.

16. Е. П. Леонтьевой

23 июля 1864 г., Константинополь

<...> Я каждый день 20 раз думаю о тебе. У посланника¹ в доме и в саду очень хорошо, обед отличный, жене его 21 год, она очень мила, красива, умна, образованна, они богаты, но я спрашивал не раз у себя, желал ли бы я его дом, его жену – вместо Лизы и нашей небогатой, но дружной жизни. Нет! Нет! Кроме Лизы, никого не желал бы иметь женой! Любовницу какую-нибудь на время – для фантазии, это другое дело, но другом и женой только тебя. <...>

Публикуется по автографу (ГЛМ).

Елизавета Павловна Леонтьева (урожд. Политова, род. ок. 1838 —?) – жена К. Н. Леонтьева, который познакомился с ней в Феодосии в 1855 г., однако обвенчались они только через шесть лет. С начала 1870-х гг. ее поразила душевная болезнь, но с длительными периодами просветления. После смерти Леонтьева жила с его племянницей М. В. Леонтьевой, умерла в Орле в глубокой старости, уже после Октябрьской революции.

¹ У посланника... – чрезвычайным посланником в Константинополе был гр. Н. П. Игнатьев (см. коммент. к письму 28).

17. К. Н. Бестужеву-Рюмину

30 ноября 1864 г., Адрианополь¹

Добрейший тезка!

Как Вы поживаете? Хорошо ли прижимаете (спросил бы я, если бы мы оба были люди холостые, – теперь не смею!). Я живу – по консульству много дела, и я недавно открыл, что в некоторых местах (как, напр<имер>, здесь) консул в одно и то же время дипломат, мировой судья и полицеймейстер. Всего, конечно, понемногу. А я сверх того еще и поэт, как Вам, кажется, известно? Не жалуюсь на работу, жалуюсь на несчастную мою звезду в литературе – не везет! Конечно, в сравнении с идеалом, который носят в душе понимающие искусство, мой роман швах, но больше же он заслуживает критики и статей, чем Помяловский² и К°? Все молчат! Терпи казак – атаманом будешь? Не так ли?! С этой почтой пойдет в Петербург новая повесть «Исповедь мужа»³. У Вас волосы встанут от ее безнравственности (а в душе будете сочувствовать, я ручаюсь, не фактам отдельным, а общему духу).

Я слышал, что Вы даете уроки великим князьям⁴, так, пожалуйста, скажите им при случае, что в Адрианополе, мол, живет Леонтьев – больше ничего, только вот что живет, и «баста». Писатель знаменитый будет – это можно прибавить, если хотите...

А отчего бы Вам не написать статью обо мне? Все серьезность, специальность губит! Строгость требований от себя! А забывают люди, что хорошие старые критики мрут и исчезают и заменить их некому. Хороша великая, образованная страна девятнадцатого века без эстетической критики!

Лизавете Васильевне⁵ мое почтение. А пробуют ли они мою литературную деятельность? Как-то понравится «Исповедь»? Варвару Васильевну⁶ благодарю за участие, которое она обнаружила к некоторым лицам моего романа. Коку⁷ помню и целую. А Вас обнимаю, желаю сделаться министром народного просвещения.

Преданный Вам нигилист К. Леонтьев

Публикуется по автографу (ИРЛИ).

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) – историк. Первоначальное образование получил дома. Еще до 11 лет читал Плутарха, Карамзина и Пушкина. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1865 г. занимал кафедру русской истории в Петербургском университете. В 1878 г. основал в Петербурге Высшие женские курсы, известные под названием Бестужевских. Член Академии наук. Основной труд – «Русская история». Его ученик, тоже академик, С. Ф. Платонов вспоминал: «Как ученый и профессор, Бестужев был обаятелен. Никогда не забыть тех впечатлений, какие переживались на его лекциях. Хрупкая, но изящная фигура, черный фрак вместо обычного синего профессорского вицмундира, явная печать светской благовоспитанности в речах и манерах выделяли Бестужева внешним образом в разномастной среде факультетских преподавателей. Свободная, простая по форме, можно сказать, разговорная речь, остроумная, иногда даже шутливая, богатство содержания, цитат и дат, личных воспоминаний о памятных лицах и событиях, умение поднять слушателей на высоты отвлеченного мировоззрения <...> (Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 226). Н. Н. Страхов писал Л. Н. Толстому: «...профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, конечно, самый образованный человек в Петербурге» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914. С. 177).

¹ Адрианополь — ныне г. Эдирне, в европейской Турции, где Леонтьев был консулом в 1864–1867 гг.

² Николай Герасимович *Помяловский* — известный беллетрист, сын петербургского дьякона. Учился в Александро-Невском духовном училище, которое впоследствии было им описано в знаменитых «Очерках бурсы». Был последователем Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

³ «*Исповедь мужа*» — повесть К. Н. Леонтьева, опубликована в журнале «Отечественные записки» (1867, кн. 7) под названием «Ай-Бурун».

⁴ ...*даете уроки великим князьям...* — По всей вероятности, речь идет о сыновьях Александра II, великих князьях Владимире и Алексее Александровичах.

⁵ *Лизавета Васильевна* — по всей вероятности, жена К. Н. Бестужева-Рюмина.

⁶ *Варвара Васильевна* — по всей вероятности, свояченица К. Н. Бестужева-Рюмина.

⁷ *Кока* — по всей вероятности, сын К. Н. Бестужева-Рюмина.

18. Просперу Мериме

Апрель-май 1867 г.

Милостивый государь,

тысячу благодарностей Вам за доброту, с которой Вы мне ответили¹, возвращая рукопись. Многие другие на Вашем месте этого бы не сделали. Вы называете свою критику едкой. Может быть, она и такова, но так как на свете нет такой критики, которая могла бы меня заставить усомниться (хотя бы на мгновение) в истинности и своевременности идей, которые я предполагаю развивать в своих произведениях, то грубая откровенность Вашей оценки мне очень понравилась. Я люблю откровенность (даже когда она мне кажется ошибочной). Вы говорите также, что Вы боитесь, как бы я не был реалистом. Да, милостивый государь, я этого боюсь еще больше, чем Вы, – в отношении привычных форм. Я ненавижу реализм; но, к несчастью, я вырос на его лоне, и, несмотря на все мое отвращение к нему, я все же до сей поры не могу от него отделаться.

Это же отвращение к реализму было причиной тому, что я был немного неприятно поражен выражениями «коровий навоз», «состояние рога носца», встретившимися в Вашем письме. До сего времени я полагал, что последнее из поименованных выражений могло иметь применение только в водевилях и тому подобном, но никак не для высокого обожествления плотской любви.

Я говорю высокое, конечно, как тенденция, а не как выполнение (этим последним я никогда не доволен, в чем Вы можете мне верить).

С нетерпением буду ожидать Вашей оценки моего другого романа. Возможно, что, так как наши оценки столь расходятся между собой, этот роман Вам более понравится, чем «Исповедь»². Что касается меня, то я его нахожу значительно ниже этой последней. Он не возвышается в своих принципах над этой пережеванной вещью, так [нрзб.] определяемой, как мораль XIX века.

Ежели я ошибся в своих ожиданиях с точки зрения чисто литературной, я считаю себя вполне вознагражденным любезной точностью Вашего ответа. Я далеко не разделяю большей части из Ваших оценок, но так как я не сомневаюсь, что будущее за мной, то я просмотрел Вашу критику с некоторым любопытством, смешанным с удивлением. Ожидаю с нетерпением Вашего отзыва об моем другом романе.

Публикуется по черновому автографу (ГЛМ). Предположительная датировка по письму П. Мериме к К. Н. Леонтьеву.

Проспер Мериме (1803–1870) – французский писатель, член Французской академии. Одним из первых во Франции оценил русскую литературу, изучал русский язык. Был большим почитателем и переводчиком А. С. Пушкина.

¹ Мериме написал Леонтьеву после присылки повести «Исповедь мужа» следующее письмо.

11 апреля 1867 г., Париж

Милостивый государь,

мое плохое здоровье заставляет меня проводить зимы на юге Франции. Я возвратился сюда всего лишь несколько дней тому назад, вот почему я столь поздно отвечаю на письмо, которым Вы меня удостоили.

Я прочел с интересом Ваш роман в сделанном Вами переводе. Я не стану Вам говорить ни об ошибках во французском языке, ни о неподходящих или малоупотребительных словах,

все это могло бы быть исправлено в течение одного утра. Я хочу беседовать с Вами по поводу самой темы, которую Вы избрали, поэтому благоволите извинить мои критические замечания. Они докажут Вам возникшее во мне уважение к автору.

Парадокс имеет некоторую долю привлекательности, но его следует остерегаться. На мгновение он забавляет читателя, но быстро утомляет. Кроме того, я нахожу в нем значительное неудобство для романа или драмы – именно его погрешности относительно правдоподобия. Вы мне, конечно, скажете, что на свете есть много снисходительных супругов. Я этого и не отрицаю, но они имеют на то свои основания: корысть, надоевших жен, боязнь показаться смешным и т. п. Выведенный же Вами муж, как мне кажется, не имеет иного побуждения, кроме влечения к состоянию рогоносца, и я его не понимаю. Возможно, встречаются еще более необыкновенные вкусы, но когда в романе выведен подобного рода характер, автор обязан разъяснить его и сделать правдоподобным. Вы, может быть, встречали мужа, благосклонно относившегося к любовным похождениям своей жены, ничего этим не выигрывая, но разве Вы узнали тайную причину его поведения? Узнали его сокровенные мысли? Ни муж, ни жена не заинтересовывают, это две загадки, разрешить которые не возникает желания.

В Вашей повести есть подробности, которые указывают на привычку к наблюдению и талант описания. Мне кажется, подобного рода таланты в России очень ценятся, так как за исключением Пушкина все ваши авторы любят пускаться в самые мелкие подробности. Многие из них достигли в этом совершенства. Я несколько побаиваюсь, уже не принадлежите ли Вы к школе реалистов, имевшей у нас одно время успех. Что касается меня, я думаю, что цель искусства – выбирать в природе то, что в ней есть прекрасного и любопытного, и не обращать внимания на все низкое, которое встречается в ней. Можно нарисовать зеленый луг, не добавляя туда коровьего навоза. Очень ли вы стоите за волосатые руки своей героини? Таких рук встречается слишком много, описать их легко, и с этим справится первый встречный. Описать же изгиб красивой руки и различные оттенки нежной кожи представляет, наоборот, уже серьезную трудность, и если это описание удастся, то оно само по себе уже некоторая заслуга. Реалисты, за исключением Свифта в его описании Делии, останавливаются у известных границ. Мне бы хотелось, чтобы они обходились без излишних тривиальностей.

Я читаю по-русски с большим трудом, но я глубоко восхищаюсь вашим языком. Это единственный язык теперь в Европе, который еще годен для поэзии. Легкость, с которой одним словом можно выразить столько оттенков, не передаваемых в другом языке и длинной перифразой, для романа имеет не только преимущества, но и некоторые неудобства. Легко увлечься описанием и затеряться среди мелких подробностей.

По-моему, большое достоинство Пушкина именно в том, что он умел противостоять этому искушению. Владея чудесным инструментом и восхитительно играя на нем, он никогда не разменивался на вариации, а всегда искал настоящую мелодию. В этом его преимущество над Байроном. Пушкин в тридцати стихах создал «Пророка» и в шестидесяти «Анчара». Лорд Байрон сделал бы из этого два тома.

Мне остается еще, милостивый государь, извиниться за резкость моих критических замечаний. Можете считать их лишь частным мнением.

Я еще не читал «В своем краю», но примусь за него, лишь только покончу с делами, накапливающимися всегда ко времени возвращения.

Примите, милостивый государь, вместе с благодарностью выражение моего самого высокого уважения.

Пр. Мериме

Публикуется по автографу перевода неизвестного лица (ГЛМ). Кроме того, Мериме дважды писал И. С. Тургеневу о К. Н. Леонтьеве:

«<...> Некий г-н Леонтьев, приславший мне роман „В своем краю“, а также „Исповедь мужа“ (все это пришло из Адрианополя). Последний роман сопровождается *двумя* так называемыми французскими переводами. Герой – некий г-н, который живет в Крыму, женат и украшен рогами. Он весьма огорчен, когда его жена бежит с любовником. Мне это непонятно. Автор пишет, что знаком с вами и вы покровительствовали ему в начале тернистого пути. Я вполне откровенно ответил ему, что не симпатизирую рога носцам, даже добровольным» (письмо от 7 мая 1867 г.).

«Г-н Леонтьев, о котором, кажется, я вам писал, пишет мне из Адрианополя и благодарит за критику, хотя и не принимает ее, ибо говорит, что „будущее за ним“. Его неколебимая уверенность в собственных талантах показалась мне чисто французской. Он вышел из школы Саламбо» (письмо от 16 июля 1867 г.).

Prosper Mérimée, Correspondance générale, Toulouse, 1959, p. p. 500, 549.

² «Исповедь» – повесть К. Н. Леонтьева «Исповедь мужа».

19. К. А. Губастову

19 апреля 1867 г., Адрианополь

<...> Сегодня я в предместьи Кынк танцевал под турецкую музыку с гречанками, несмотря на фанатизм кынских мусульман. А сейчас еду к m-me Блонт¹ читать громко Милля². Завтра доканчиваю почту и танцую еще в другом предместье с недурными девицами (руки у них только очень толсты и грубы); а на днях у меня собрание болгар для совещания об отпоре пропаганде³.

Во время танцев в предместьях я немного похож на уездного льва, перед которым жеманятся плохие барышни и который как «светляк сияет только в темном месте» (из Соллогуба⁴). Но что же делать? Такая тоска! Все бы это и службу самую отдал бы за возможность писать. <...>

Впервые опубликовано в кн.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С 191.

Константин Аркадьевич Губастов (1845–1913) – близкий друг и сослуживец Леонтьева по дипломатическому ведомству. Долгое время занимал консульские посты в европейской Турции, Константинополе и Вене. Был посланником при апостольском престоле в Риме, а под конец жизни – товарищем министра иностранных дел. По словам К. Н. Леонтьева, только Губастов и племянница Мария Владимировна хорошо знали и понимали его, благодаря взаимной симпатии, давнему знакомству и постоянной переписке. Губастов записал свои воспоминания, остающиеся одним из важнейших источников для биографии Леонтьева (сб.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911). В них он дал, в частности, такую характеристику: «По своей натуре Леонтьев был причудливый, деспотичный в домашней жизни русский барин с „нестерпимо сложными потребностями“, которых он был, на свое несчастье, всегда рабом. После самого короткого с ним знакомства бросались в глаза черты русского помещика, родившегося и воспитывавшегося еще при крепостном праве. Неумение обходиться без многих слуг, любовь быть ими окруженным, патриархально-деспотическое обращение с ними, расположение к сельской жизни, к деревенским забавам и прочее» (с. 226).

¹ *М-me Блонт* — жена английского вице-консула в Адрианополе.

² Джон Стюарт *Милль* (1806–1873) – выдающийся английский мыслитель и экономист. В XIX в. был очень популярен в России; его «Основания политической экономии» перевел Н. Г. Чернышевский.

³ ...об *отпоре пропаганде*. – Имеется в виду *Congregatia de propaganda fide*, т. е. «Общество для распространения истинной веры», основанное в 1642 г. в Риме для распространения католичества и борьбы с еретиками, которыми Римская церковь считала и православных.

⁴ Владимир Александрович *Соллогуб* (1814–1882) – писатель, повести которого положительно оценил В. Г. Белинский за хорошее знание среды. В доме Е. А. Карамзиной встречался с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, М. Ю. Лермонтовым, В. А. Жуковским и др. Сотрудничал в «Современнике» и «Отечественных записках».

20. К. А. Губастову

Май 1867 г., Адрианополь

Ваше письмо меня бы больше порадовало, если бы Вы не употребляли гадких слов натуральной школы. К чему это слово «струсить»? Когда Вы при мне приедете в Адрианополь, я Вам покажу письмо Проспера Mérimée, в котором он обличает меня в излишнем реализме; я ему отвечаю, «это правда, и я не знаю, как избавиться от этой скверной привычки, вдруг нельзя; посмотрели бы Вы „наших“. Так я бы Вам показался чище и изящнее Платона¹ в выборе выражений».

Возвращаю Вам Ваше письмо, выскоблите гадкие слова и напишите вместо них простые и благородные глаголы: пугаться, бояться и т. д.

Ваш *К. Леонтьев*

Впервые опубликовано в кн.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 164, 165.

¹ *Платон* (428 или 427–348 или 347) – древнегреческий философ.

21. К. А. Губастову

*12 августа 1867 г., Тульча*¹

<...> Я здесь точно русский помещик. Сажу с утра в чистом белье, в брусском бурнусе², которым обязан Вам, усы подкручены, лицо, как у Павла Петровича Кирсанова («Отцы и дети»), вымыто душистым снадобьем, туфли новые, комната простая, но хорошая, кухарка русская, труд, так сказать, на поприще отчизны... Все у меня есть... и роман пишу... <...>

Впервые опубликовано в кн.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С 192.

¹ *Тульча* (Тулча) – город в дельте Дуная в 50 км от Измаила, где К. Н. Леонтьев был консулом в 1867–1868 гг. Теперь на территории Румынии.

² ...*в брусском бурнусе*... – т. е. в белом арабском плаще. Брусса – резиденция турецких султанов на побережье Мраморного моря.

22. Е. А. Ону

12 августа 1867 г., Тульча

Милостивая государыня Елизавета Александровна, вследствие предписания мужа Вашего¹, я пишу Вам по-русски.

Если Вы интересуетесь моей судьбою, то я вам скажу, что я ее благодарю за то, что она привела меня в Тульчу. Я бы желал одного, чтобы, когда придет время повышения, меня бы здесь сделали консулом. Это город совершенно русский; дом мой на берегу Дуная принадлежит русскому раскольнику и самый лучший в Тульче; мебели хотя немного, но все прилично, так что хоть бы и вас с супругом Вашим можно бы принять с честью. Обед у меня тоже русский: щи, каша, пироги – я в восторге... Недостает только Вашей карточки. Если нельзя без Алеко² (все-таки как-то покойнее), то уж и с Алекой потрудитесь прислать. Мужу Вашему жму крепко руку, тетушке Вашей³ свидетельствую мое искреннее почтение и, если нужно, при проезде ее в Россию готов служить чем угодно здесь.

Хитрову⁴, пожалуйста, субъективный поклон. Подписка здесь на театр во Львове идет прекрасно. Как-то у него?

Остаюсь навсегда, милостивая государыня, покорный слуга Ваш *К. Леонтьев*.

Впервые опубликовано в кн.: *Архимандрит Киприан. Из неизданных писем Константина Леонтьева*. Париж, 1959. С. 9.

Елизавета Александровна Ону, урожд. Пети де Баронкур (?–1909). Внучка известного генерала эпохи наполеоновских войн, основателя Николаевской академии Генерального штаба барона А. Г. Жомини, жена М. К. Ону. Очевидно, под влиянием Леонтьева перешла из протестантизма в православие. По воспоминаниям Леонтьева, «мадам Ону сверкала умом».

¹ ...мужа Вашего... – Михаила Константиновича Ону (1835–1901), дипломата, приятеля Леонтьева по посольству в Константинополе. Один из его сослуживцев так вспоминал о нем: «М. К. Ону был весьма интересным и оригинальным человеком. Службу он начал в качестве мальчика для поручений при канцелярии русского главнокомандующего во время венгерской экспедиции 1849 г. На него обратили внимание как на очень способного молодого человека, и он был взят в Россию, где и окончил гимназию, а затем Лазаревский восточный институт и стал большим знатоком не только турецкого, но также и греческого и арабского языков. Начав службу студентом посольства в Константинополе, Ону, подвигаясь там по служебной лестнице, сделался первым драгоманом. <...> Потом Ону был назначен, что бывало очень редко с драгоманами, советником того же посольства, а затем посланником в Афины <...>. Ону великолепно знал Ближний Восток и в особенности Турцию и турок <...>. Женат он был на образованной, но необычайно скучной женщине <...>. Ону в своей дипломатической деятельности часто прибегал к совершенно восточным приемам, но применял их с тонкостью и изворотливостью настоящего левантинца (под это понятие подходит все разноязычное разноплеменное иностранное население прежнего Константинополя). Если Ону сплошь и рядом терялся на больших придворных и дипломатических приемах, зато он был блестящ в разговоре с одним или двумя собеседниками, делая иногда замечания, поражающие своей глубокой мудростью и точностью выражения мысли» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 111–113).

² Алеко — Александр Михайлович Ону (?–1935), сын М. К. и Е. А. Ону, впоследствии приват-доцент Петербургского университета. Умер в эмиграции.

³ ...тетушке *Вашей*... – жене барона А. Г. Жомини Марии Иосифовне, урожд. княжне Юшковой.

⁴ *Хитров* — М. А. Хитрово (см. коммент. к письму 25).

23. К. А. Губастову

23 августа 1867 г., Тульча

<...> Я пишу утром и ночью. По службе тоже много занимаюсь. Время есть на все. И я желаю одно – свить навек мое гнездо в Тульче. Я Вам объясню почему. Где жить? В России вообще – для сердца, для привычек хорошо, но нет той живой политической деятельности. За границу – в Европе, спаси Боже, тошно подумать. В Петербурге хорошо для литературы, но нездорово, дорого, буржуазно, прозаично. В Москве – поэтичнее, но все же нет той службы, что здесь. В нашем Кудинове – здорово, есть поэзия, нет доходов и службы. Внутри Турции? Нет, другой раз калачом не заманишь. Я ужасно раскаиваюсь, что, не зная Дуная, сказал Иванову¹, что желал бы вернуться в Адрианополь. Ни за что! Лучше вице-консулом останусь, если Тульчу не захотят повысить в консульство. Здесь есть и движение, и покой, и восток, и запад, и север, и юг, встречи беспрестанные на дунайских пароходах, можно устроиться помещиком, как в деревне, здесь и Россия, и Молдавия, и Турция, и Австрия, и простор деревенский, и вместе с тем как бы в центре Европы! Прелесть! <...>

Впервые опубликовано в кн.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 192–193.

¹ И. А. Иванов — по всей вероятности, один из чиновников русского посольства в Константинополе.

24. Е. А. Ону

9 октября 1867 г., Тульча

Милостивая государыня Елизавета Александровна, я был очень тронут Вашим любезным ответом. Сообразно желанию Вашему, Хитрову написал простодушное письмо.

Мужа Вашего имел случай обнять в Галаце¹. Не знаю, был ли он доволен или нет моей публичной демонстративностью. Но мне это было нужно для внушения другим здесь чиновникам. Ваш муж считается здесь тузом (да и я разделяю это мнение, все-таки, как хотите, рискует 1-м драгоманом стать!), так я бросился к нему на шею. Знай, мол, наших!

А он, как бы Вы думали, целый час простоял перед моим домом на пароходе на таком расстоянии, как стоит «Тамань»² в Буюк-Дере, перед посольством, – и не зашел и мне не дал знать. А дом мой самый большой в Тульче и превеселый.

В надежде увидеть Вас в Петербурге и заказывая даже для этой цели в Константинополе новое платье, честь имею быть, милостивая государыня, покорный слуга

Ваш К. Леонтьев.

Впервые опубликовано в кн.: *Архимандрит Киприан. Из неизданных писем Константина Леонтьева*. Париж, 1959. С. 9–10.

¹ Галац – город в Румынии на левом берегу Дуная.

² «Тамань» – судно, постоянно стоявшее на якоре у летней резиденции русского посла в Буюк-Дере.

25. М. А. Хитрово

9 октября 1867 г., Тульча

Душечка Миша! Голубчик ты мой! Ежедневно стараюсь припомнить сладкие дни нашего обоюдного детства, когда еще мы с тобой, милый мой Миша, были невинными, и улаживаясь этими издали приносящимися воспоминаниями, я прошу тебя, душка, не поддаваться общей заразе, не походить на Сергея Карловича Пустомолова¹ и не отказываться от пособия созидаемому Львовскому театру... Так-то, Миша! Я уж, душенька, 46 рублей отсюда послал и еще собираю, а у Вас там ни Губастов, ни ты даже Игнатьеву² не напомните, что он обещал. Игнатьеву, крошка ты моя, простительно забыть: он трудится больше всех нас. Губастову тоже простительно: едва из яйца вылупился, где ж ему послу напоминать. Но ты, Миша, ты? Тебя кто устроит?

Воззри в леса на бегемота, Что мною сотворен с тобой, Колючий терн его охота Безвредно попирать ногой. Как верви, сплетены в нем жилы, В нем ребра, как литая медь. Кто может рог его сотреть?

Вот ты какой, Миша! Все это знают. И при том взял и осанкой, и эквитацией³, и службой государственной, и поэзией, и порочен настолько, насколько следует человеку с тонким вкусом.

Целую тебя в носик и прошу еще раз собрать хоть те деньги, которые при мне уже были записаны, и напомнить также послу о его обещании отправить их Аксакову (которому я уже написал, что и ты собираешь). Не осрались же, дружок.

Твой навеки К. Леонтьев. <...>

Впервые опубликовано в кн.: *Архимандрит Киприан. Из неизданных писем Константина Леонтьева*. Париж, 1959. С. 11.

Михаил Александрович Хитрово (1796–1896) – дипломат и поэт. Происходил из старинного боярского рода. Окончил курс в Школе гвардейских прапорщиков. Служил в гвардии, потом по Министерству иностранных дел. С 1871 г. – генеральный консул в Константинополе. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – правитель дипломатической канцелярии при главнокомандующем. Позже – генеральный консул в Салониках, дипломатический агент в Болгарии и в Египте, посланник в Румынии, Португалии и Японии. Близкий гр. А. К. Толстому, писал много стихотворений, сборник которых выдержал два издания (СПб., 1892 и 1896).

Мнения о М. А. Хитрово весьма разноречивы. «Симпатичный, прекрасно воспитанный и интересный собеседник» (*Глуховцев С.* Наша старина. 1915. № 11. С. 1018). С другой стороны, один из руководителей русской дипломатии записал о нем в своем дневнике: «Мало хорошего, если этот пронырливый негодяй и беспринципный интриган станет нашим представителем в Греции» (*Ламсдорф В. Н.* Дневник, 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 345).

¹ *Сергей Карлович Пустомолов* — иронический намек на неизвестное лицо.

² *Игнатьев* — русский посол в Константинополе (см. коммент. к письму 28).

³ *Эквита́ция* — уравновешенность.

26. К. А. Губастову

29 февраля 1868 г., Тульча

<...> Письмо Ваше я получил сегодня и уже отвечаю. Не вижу я, во 1-х, чтобы мое влияние на Вас было сильно, уже потому, то Вам *Courtois*¹ не претит, а мне претит всякий француз. Потом, вероятно, Вы не едите постного, а я ем весь пост, конечно с рыбою, кроме сред и пятниц, а Лизу², которая только что приехала усталая и больная, посадил за постное, и это не помешало ей в 20 дней из изнуренной петербургской чиновницы стать здоровою и толстою Лизою.

Доволен я не только постом моим, но и по́стом, и боюсь одного, чтобы меня на будущий год не услали бы с Дуная внутрь, главное – боюсь Адрианополя как огня. Конечно, я против этого приму все меры. Я очень хорошо знаю, что и в Адрианополе есть много поэзии, но ею можно было бы спокойно наслаждаться, если бы приматы были наши не друзья, а враги. Поэзия Адрианополя в простом народе, в турецких кварталах, в мечетях, в кладбищах мусульманских, в банях, в хорошеньких девочках предместий и в *madame Blont*. Вы можете находить, что *mademoiselle Blont*³ красивее ее, я готов это допустить, но, только ухаживая за *madame Blont* и пользуясь хоть сколько-нибудь ее благосклонностью, можно постичь все силы и все дарования, которые в ней кроются. А ее царственный вид и оболочка мнимой холодности? А ее патриархальное обращение и доброта с прислугою? И т. д.

Чтобы вполне постичь поэзию Адрианополя, послушайте моих советов: 1, не откладывая, заведите себе любовницу, простенькую болгарку или гречанку; 2, ходите почаще в турецкие бани; 3, постарайтесь добыть турчанку, это уж не так трудно; 4, не радуйтесь вниманием франков и не хвалите *madame Badetti*⁴; 5, гуляйте почаще на берегу Тунджи⁵ и вспоминайте меня; 6, подите когда-нибудь с кавасом⁶ к мечети Султана Баязета⁷ и устройте там на лужайке, около киоска, борьбу молодых турок (пехлеванов⁸), под звуки барабана, это прелесть! Я все это помню и понимаю. Но рядом с этим Адрианополь оставил во мне и другие воспоминания, о которых лучше и не думать. Желаю, чтобы с Вами не случилось того же.

Впервые опубликовано в кн.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 195–198.

¹ *Courtois* (Куртуа) – французский вице-консул в Адрианополе.

² *Лиза* — Е. П. Леонтьева, жена К. Н. Леонтьева.

³ *Mad e moiselle Blont* (мадемуазель Блонт) – дочь английского вице-консула в Адрианополе.

⁴ *Madame Badetti* (мадам Бадетти) – жена богатого адрианопольского торговца.

⁵ *Тунджа* — река, впадающая в Марицу у Адрианополя.

⁶ *Кавас* — турецкий жандарм.

⁷ *Баязет* — по всей вероятности, султан Баязет II (1447–1512), скончавшийся в Адрианополе.

⁸ *Пехлеваны* – люди, занимающиеся турецкой народной борьбой.

27. К. А. Губастову

26 апреля 1868 г., Тульча

Вот видите, Губастов, как я держу обещания, – сказал, в мае пришлю Соломону¹ 300 р<ублей>, еще апрель на дворе, а я уже 150 р<ублей> посылаю, остальные 150, конечно, тоже он в свое время получит. Как я их достаю – это другой вопрос. Кручусь на одном и том же месте: у одного займу – другому в срок отдаю. Это было бы еще не беда, если бы приезд жены и скромная отделка дома не прибавили к моему дефициту еще рублей 600. Но оставим этот унылый сюжет. <...> Вот уже три месяца муза моя умолкла. Приезд Лизы, мелкие заботы, к тому же она больна серьезно, и если корень зла не уничтожится, то болезнь ее может перейти в помешательство. Можете судить, легко ли мне в это время. Но я покоен, потому что убежден в возможности излечения. Здесь приписывают ее болезнь ревности, но это неправда – она приехала из Петербурга уже больная. Много поумнела, но и подурнела. Не думайте, чтобы моя личная жизнь была бесцветна. К сожалению, она очень бурна.

Впервые опубликовано в кн.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С 198–200.

¹ *Соломон* — Соломон Нардеа, еврей-ростовщик в Адрианополе, главный кредитор Леонтьева.

28. Графу Н. П. Игнатьеву

Май – июнь 1868 г., Тульча

<...> Журналисты и публика вообще были до сих пор несправедливы к моим литературным трудам, первые потому, что я не подчиняюсь ни одному из господствующих у нас направлений, вторые потому, что ждут от первых разрешения ценить или нет писателя.

На службе я счастливее. Министерство не виновато, что я поступил поздно, но благодаря поддержке Вашей я не завидую тем, кому от рождения даны были протекция и богатство.

Быть может, и на литературном поприще по многим столь солидным с моей практикой связям я найду в Вашем превосходительстве поддержку и хоть какое-нибудь облегчение в тяжелой борьбе, которую я веду во имя идей моих в моем уединении.

Время и 1000 мелких препятствий не позволяют мне кончить всего того, что я задумал. Я упомяну пока только об одном. К осени или этой зиме я думаю кончить на французском языке письмо к Дж. Ст. Миллю под заглавием: «Что такое Россия и славянский мир и почему Россия может дать миру то, чего уже Запад не даст». Этот гениальный писатель не раз порицал Россию, не зная ее и не догадываясь, что она уже и теперь более всякой другой страны соответствует тому идеалу разнообразия развития <...>, который на Западе уже невозможен и которого [нрзб.] он горько оплакивает в своей книге «Свобода»¹. Если Бог поможет мне кончить этот труд (полезный и для самославян), то я его представлю прежде отправки на одобрение Вашего превосходительства.

Публикуется по черновому автографу (ГЛМ). Датировано по тексту.

Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) – граф, сын петербургского генерал-губернатора и председателя Комитета министров. Учился в Пажеском корпусе и Академии Генерального штаба. В 1858 г. принял начальство военно-дипломатической миссией в Хиву и Бухару. С небольшим конвоем прошел из Оренбурга по мало или вовсе не исследованным путям. Задержанный ханом, самовольно вышел из Хивы, прибыл в Бухару и заключил торговый трактат, освободив при этом русских пленников. В 27 лет получил генеральский чин и назначение уполномоченным в Китай, который отказывался тогда признавать Айгунский договор. После одиннадцати месяцев переговоров понял, что ему недостает главного аргумента – военной силы. Как раз в это время в Китае высадился англо-французский десант. Ловко маневрируя между правительством богдыхана и недавними противниками России, сумел оказать услугу и тем и другим и представить себя спасителем китайской столицы. Так был заключен новый Пекинский договор, по которому Россия получала границу вдоль левого берега Амура и Уссури, а Игнатьев – генерал-адъютантские эполеты и пост директора Азиатского департамента. В 1864–1877 гг. Игнатьев был посланником в Константинополе. За ним прочно утвердилась всероссийская известность защитника славян и лидера панславизма. Он же заключил по окончании Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сан-Стефанский договор, исходя только из интересов России, что вызвало европейский кризис. В Петербурге многим высокопоставленным особам, в том числе и канцлеру А. М. Горчакову, уже давно не нравились блестящие успехи Игнатьева. Сан-Стефанский договор был заменен Берлинским трактатом, знаменовавшим дипломатический разгром России, а Игнатьев получил увольнение в деревню. По восшествии на престол императора Александра III Игнатьева снова призвали к власти, и он стал министром внутренних дел. На этом посту он находился ровно один год, успел провести антиеврейский закон 1882 г. и был заменен графом Д. А. Толстым. В оставшуюся ему еще четверть века жизни никогда более не возвращался на государственную службу. Был женат на княжне Екатерине Леонидовне Голицыной (1843–?).

¹ «Свобода» – трактат Дж. Ст. Милля «О свободе» (1859), один из основных трудов философа.

29. Н. Н. Страхову

1869 г., Петербург

Знаете, что я придумал еще, многоуважаемый Николай Николаевич? Мне все недостает денег; выхлопочите-ка мне к пятнице от Кашпирева¹ рублей 400. Это уже не может обременить его. Так как Каткову² я не обязался положительно романом, то и могу обещать «Заре» один из двух: или «В дороге», или «Последнее звено».

Только чтобы в пятницу он бы мне дал по секрету. Скажу Вам по совести – страх как нужно! Ужасно был бы я рад, если бы мог достать!

Ваш К. Леонтьев

Публикуется по автографу (РНБ). Датировано по тексту.

¹ Василий Владимирович *Кашпирев* (1836–1875) – литератор. В 1869 г. основал в Петербурге журнал «Заря» умеренно-консервативного направления. Хотя Кашпирев потратил на него все свое состояние, за недостатком подписчиков журнал в 1872 г. прекратил свое существование.

² Михаил Никифорович *Катков* (1818–1887) – публицист и издатель. Входил в кружок Н. В. Станкевича и был близок с В. Г. Белинским. Читал курс философии в Московском университете. После упразднения философских кафедр в 1850 г. стал редактором сначала «Московских ведомостей», а затем и «Русского вестника». В начале своей деятельности выступал в пользу либеральных реформ. Пользуясь связями в высших сферах, успешно боролся с цензурными ограничениями и занял выдающееся положение как редактор. В «Русском вестнике» печатались Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков. Во время польского восстания 1863–1864 гг. перешел на резко националистическую позицию. Постепенно перемещался в сторону крайнего консерватизма, обличал не только реформы 1860-х гг., а даже правительственные учреждения за дух зловредной либеральности. Среди интеллигенции прочно укоренилась неприязнь как к нему лично, так и к его идеям. Его называли «самым гадким и вредным человеком на Руси». Во время пушкинского праздника 1881 г. Тургенев отвернулся от протянутого Катковым бокала. С началом царствования Александра III влияние его усилилось еще больше, он оказывал уже непосредственное воздействие на администрацию, особенно в проведении контрреформ 1887 г. Катков скончался, оставив миллионное состояние. Леонтьев писал впоследствии: «...у Каткова я был какой-то пролетарий, труженик, подчиненный, ищущий его денег, бывающий только по делу» («Литературное наследство». Т. 22–24. М., 1935. С. 441).

30. Н. Н. Страхову

1869 г., Петербург

<...> Я еду в четверг и, вероятно, во вторник или в среду приеду к Вам еще проститься и посоветоваться, чего Вы от меня критически хотите, я не боюсь, что Вы слишком думаете о читателях. Я нахожу, что для них не стоит делать ничего. Пусть учатся. <...>

Публикуется по автографу (РНБ). Датировано по тексту.

31. К. А. Губастову

15 октября 1869 г., Янина¹

<...> А главное, тоска такая на сердце, которой я еще в жизни не испытывал. Это какая-то новая тоска, спокойная. Я боюсь, не вхожу ли я в тот период, про который Вы в Царьграде² говорили мне: не хочу я вас видеть, когда вы постареете, и все вам будет противно; вы будете ухаживать за женщинами, что совсем старикам нейдет. Вспоминая это, я вздыхаю... Ах, как я вздыхаю! Поверьте, мне это нестерпимо больно. Не думайте даже, чтобы Янина была в этом главной виной. Главной виной моя внутренняя жизнь. Я с ужасом вижу, что в первый раз в жизни начинаю ничего не желать, кроме вещественных удобств. Они меня радуют только сознанием, что без них было бы еще хуже, как без руки или без ноги. Но может ли радовать то, что у меня есть нога и рука? Вы скажете, пройдет! Дай Бог, дай Бог! <...>

Впервые опубликовано в кн.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 207, 208.

¹ *Янина* — город в центральной Греции, где Леонтьев служил консулом в 1869–1871 гг.

² *Царьград* — т. е. Константинополь (турецкое название – Стамбул).

32. Н. Н. Страхову

26 октября 1869 г., Янина

<...> ...У меня есть драгоценные данные, почерпнутые из восточной жизни, которая (т. е. жизнь на Востоке) вообще уясняет во многом поразительно взгляд и на Россию. Все это я говорил и в Петербурге, но Вы не потрудились, кажется, обратить внимание на мои слова. Вы не хотели запомнить их. Душа моя вопиет, что некоторые из статей моих, полные живых, живописных, осязательных примеров, для умов некоторого склада будут доступнее, чем статьи самые дельные, но изложенные несколько сухо и абстрактно. Но у меня нет охоты писать их, когда я вижу, что даже и та статья, которую Вы обязались уже взять, не печатается. Напомню Вам (для куражу), что этот вопрос о грамотности был уже тронут в «Дне»¹ Аксаковым в том же духе (но мимоходом, без подробностей и ярких осязательных изображений); и Аксаков говорил: хороша грамотность, но готовы ли мы учить народ?

Как я ни изворачиваю свой ум, как я ни подыскиваю, что может помешать напечатанию этой статьи, я не нахожу ничего.

Вы разве забыли, что уже читали ее в Петербурге? Вы забыли, что сказали мне тогда: «Прекрасно! Прекрасно! Эту статью мы возьмем, особенно это сопоставление русских, болгар, греков и т. д. Вы живете в таких странах, где эти примеры доступны; если бы вы прибавили еще подробности об этом!»? А я, дурак, обрадовался и поверил! «Дай, мол, Бог здоровья Николаю Николаевичу!» И взял статью опять в Турцию, наполнил ее примерами и изображениями, подобных которым нелегко найти в нашей робкой литературе, и что же? Где статья?

Понимаете ли Вы, понимаете ли Вы, понимаете ли Вы, что особенность моего положения вдали от России может привести к двум результатам противоположным: если не будет у меня поддержки, я задохнусь в уединении, а если у меня будет поддержка в России, то никто, кроме меня, не может доставлять драгоценных сведений о Востоке; есть еще два человека: Кельсиев² и Гильфердинг³; но они пишут иначе и имеют свои приемы, а я свои; цель же наша общая (и Ваша, и моя, и отчасти Кельсиева, и Гильфердинга) так высока и план так обширен, что всякий помощник должен быть дорог. По-моему, мы не должны даже стоять очень строго за оттенки; мы служим не какой-либо презренной практической партии à l'anglaise⁵, мы Предтечи Великого Славянского Будущего; мы слуги учения столь широкого, что оно непременно должно распасться на ветви, но ветви этого учения должны обнять всю Россию и потом всех славян. И вот: моя жизнь на Востоке, плод моей практической деятельности, моя способность к изобразительности (на которую я в повестях даже из артистической, иконописной, так сказать, трезвости сам нередко накладываю узду) могут принести особые плоды, если меня не будут так жестоко, так гнусно томить, как томит меня эта беспутная редакция «Зари»! <...>

Публикуется по автографу (РНБ).

¹ «День» – еженедельная славянофильская газета, издававшаяся в Москве И. С. Аксаковым в 1861–1865 гг.

² Василий Иванович Кельсиев (1835–1872) – литератор. В 1857 г. сбежал с корабля в Англии к Герцену. Издавал при «Колоколе» листок «Общее вече», посвященный русскому Расколу, изучением которого он занимался. В 1862–1865 гг. находился в Тульче (где впоследствии Леонтьев был консулом) и вел среди русских раскольников-некрасовцев революционную агитацию. В 1867 г. добровольно сдался русским властям. Был прощен, после чего жил в Петербурге, издал несколько книг воспоминаний и сотрудничал в консервативных журналах.

⁵ По английскому образцу (франц.).

³ Александр Федорович *Гильфердинг* (1831–1872) – славист, этнограф и публицист славянофильского направления. Председатель Славянского благотворительного общества в С.-Петербурге.

33. В. В. Леонтьеву

10 декабря 1869 г., Янина

Володя, я получил вчера твое письмо и сегодня на него отвечаю. Ты знаешь мое мнение, что лучше бы всего поступить в военную службу. Я не знаю, почему ты этого не хочешь. Трусом я тебя не считаю, я думаю даже, что ты будешь молодец, значит, это или преувеличенные (представления? – Д. С.) о неудобствах и трудностях походной жизни, или, что еще хуже, какие-нибудь дурацкие модные идеи, заслуживающие полного презрения. Нам нужны хорошие военные [нрзб.], а на других поприщах ползет нынче [нрзб.], как свинья. Вот тебе мое мнение. <...>

А я, брат, все болею. Лихорадка изнурила меня до того, что я на днях, как только будет сила сесть на лошадь, уеду из Янины. <...>

Публикуется по автографу (ГЛМ).

Владимир Владимирович Леонтьев – сын брата К. Н. Леонтьева, В. Н. Леонтьева. Других сведений о нем не найдено.

34. Н. Н. Страхову

12 марта 1870 г., Янина

Я долго ждал от Вас письма, добрейший Николай Николаевич, и наконец понял, что жду напрасно. О чем, в самом деле, Вам писать мне? Если бы я был Тургенев или что-нибудь в этом роде, то, несмотря на все пренебрежение, которое справедливо возбуждают в Вас его последние выходки, Вы сочли бы, конечно, долгом вежливости поспешить ответом. Но ведь я, слава богу, не Тургенев; мои мысли и произведения возбуждают в Вас сочувствие, а не пренебрежение... Поэтому и молчание Ваше я должен объяснять в хорошем смысле, в смысле простительной небрежности и т. п. <...>

А «Заре» не мешало бы быть посмелее и посочнее. Хороша она, не спору, и так; после сухости «Русского вестника»¹ от нее и в таком виде, в каком она есть, веет свежим воздухом. Но, во-1-х, хорошо ли Вы сделали, что сбились с пути Ап. Григорьева на простое московское славянофильство? Хорошо ли Вы сделали, что связали себе руки [нрзб.] – немецким фамилизмом² и нравственностью? Зачем было нападать на идеи Авдеева³, вместо того чтобы громить бездарность его, неумение его сделать идеи привлекательными? Что это – французское, что ли? Неправда. Многочисленных решений этому вопросу нет так же, как и государственному. Разнообразие реальное в разных нациях происходит не столько от разнообразного решения вопросов в принципе, сколько от разнообразных сочетаний одного житейского начала с житейскими началами, взятыми, так сказать, из других сфер. Пример: грек и русский. Грек: демагог, православный, экономен, непостоянен в делах гражданских, постоянен в домашних, строг в семье, в литературе ритор, властей не любит, религиозен без энтузиазма и без «искания». Великоросс: властям покорствуется охотно, расточителен и беспечен, непостоянен в домашних делах, осторожен и скорее постоянен, чем изменчив, в делах гражданских, в семье довольно распушен, и ни себе, и ни другим. В литературе реалист, если религиозен, то или с энтузиазмом, или с «исканием», как замечали Кельсиев и я, у русских на Дунае при сравнении их с другими соседями их⁶.

Соединение женолюбия с религиозностью не есть признак одного дурного воспитания и варварства или, напротив, развращенности и подражания. Это свойственная нам национальная черта, которой еще не сумела овладеть наша робкая литература. Она в сфере семейно-бытовой приближает нас больше к племенам романским [нрзб.], как наша умеренность и здравый смысл в целях государственно-гражданских напоминает скорее дух англо-саксонских и германских народностей.

Славянофилы московские (которых я, однако, высоко чту) со своей немецкой нравственностью скорее рисовали себе свой собственный идеал русского человека, чем снимали с него идеализированный портрет. Ап. Григорьев [нрзб.] это давно, Вы сами это знаете.

Ну, довольно об этом.

Другое. Кто позволил этому несчастному Антропову⁴ (должно быть, это он – А-в) унижать так Гончарова⁵? Как это умно! Как это кстати! От реалистической манеры давно уже начинает рвать людей со вкусом и начнет скоро рвать и публику – когда ей дадут что-нибудь иное. Как можно нападать на писателя, который, по крайней мере по манере, по приемам (если не по идеалу, не по сюжетам) менее груб, чем другие?.. Один язык его благороден до того, что заслуживает изучения. Объяснюсь примером. Откройте и посмотрите, как в иных местах он говорит о чувствах Обломова. Какой полет, какая теплота, какая трезвая и вместе с тем

⁶ Таким образом, мы найдем, что у грека есть общие черты с русским, с французом, а француз с испанцем, с китайцем даже и т. д. (Примеч. К. Н. Леонтьева.)

лирическая, воздушная образность. То же самое я найду и в 20 местах «Обрыва». Ваш Толстой хорошо рисует пунктиками на слоновой кости; но кисть его всегда мелка, как бы ни были велики события, за которые он берется. Теплоты у него, быть может, много в сердце, но он не умеет излить эту теплоту на бумагу широкими, воздушно-героическими чертами. Я не хочу унижить «Войну и мир». Я готов согласиться, что в своем роде это произведение гениально, и я буду в восторге, когда его переведут на все языки. Я готов повторить за Вами, что дальше по пути реализма идти нельзя. Но что же это значит? Не значит ли, что нужен поворот? Поворот к лиризму, к высокой несложности изображений, к чертам простоты, широким и свободным, точнее даже, я скажу, к благородной бесцветности (примеры: Чайльд-Гарольд⁶, Рене⁷, потом – Пушкин местами, из романов Санда⁸ – Лукреция Флориани⁹ написана [нрзб.] в этом роде, Вертер¹⁰, романы г-жи Крюднер¹¹, которых имя я забыл, и т. п.).

К тому же роду относится по манере и Марко Вовчок¹². Именно то, за что Вы ее упрекаете, есть заслуга – эти общие, бледные, но теплые черты ее первых произведений напоминают общие и теплые черты народных песен и рассказов, никогда не имеющих грубой выразительности (хорошее выражение П. В. Анненкова)¹³.

Хвалите Толстого за высоту выбора. Я рад, и все те, о которых стоит говорить, будут согласны с Вами.

Выбор, конечно, весьма идеальный, патриотический, религиозный, изящный – но изображение, форма реалистические до крайнего предела. Дальше нельзя идти – Вы сами говорите. Пойти еще дальше – будет литература тоды-колды, над которой Вы справедливо издеваетесь. Потребность к повороту изящному, идеальному чувствуется уже давно во всем. У Толстого высокий выбор; у Григорьева есть местами фарфоровая чистота изображения, есть порывы высшего лиризма. У М. Вовчка проявилась, хотя бы и мельком – пока ее не испортили, – эпическая ясность и непритворная теплота, та елейность, о которой говорил Белинский и которой нет ни у Тургенева, ни у Толстого...

Соедините все вместе – высокий выбор Толстого и высокие приемы Гончарова и М. Вовчка, прибавьте к этому между строчками побольше смелости философской или исторической мысли – и наша литература даст наконец миру то, что мы желаем, – своеобразное, русское содержание в прекрасной форме... Содержание Пушкина – Вы сами знаете – не так своеобразно, как содержание у западных гениев. Он в этом не виноват.

Потом, – кто виноват, Вы или редакции, – что к расколу относятся все ошупью, точно боятся обжечься? Еще это вопрос – что более народно (т. е. своеобразно), православие или раскол? Что может больше дать для своеобразной культуры и т. д. Я не равнодушен к православию в церковном смысле, я исполняю многое, чего не исполняете вы там, в Петербурге, но подобно тому, как Гизо¹⁴, сам протестант, признавал католичество необходимым для Франции, так и я спрашиваю себя: не культурнее ли, так сказать, влияет раскол? Я верю, что православие не сказало еще последнего своего слова. Оно может дать великих деятелей, великие произведения пластических искусств и слова, историческое значение его огромно... Но как Вы думаете – молокан¹⁵, духоборец¹⁶, скопец¹⁷, двоевер¹⁸ и т. д., воспитанный в университете или начитавшийся светских книг, то же он даст, что дали бы католик, протестант, православный, когда явится поэтом, мыслителем, гражданским деятелем и т. д.? Не смешите меня, говоря, что образованность приведет ведь к православию!.. Это говорят лишь здесь в разговорах с греками, с политической целью...

Всех воспитанных с детства в разных религиях может объединить физически лишь равнодушие и безбожие. Пока человек при всем своем образовании не безбожник и даже скептицизм его огорчает, а не радует, как радует людей ничтожных, он непременно внесет в свою мысль, в свое творчество, в свою гражданскую деятельность иные звуки, внушаемые ему глубоким впечатлением первого воспитания... Раскол есть одно из величайших благ России. Мы

желаем, не правда ли, чтобы славянство было своеобразно, чтобы его культура разнилась от Запада? Но согласитесь, что ни одна культура – для полного развития которой нужны века – не была однообразна в своем своеобразии. Иначе разные элементы объединялись в одной, иначе – в другой. Чем разнообразнее русский дух, тем лучше. Довольно об этом.

Еще. Отчего никто у нас не возьмется возвести принцип самодержавия в систему, оправдать его не только исторически, но и философски, со всеми пособиями экономическими, политическими и т. д.? Помните, я было хотел это сделать. Вы были рады. Но после судьбы, постигшей статьи о женщинах и о грамотности, я не хочу отрывать от повестей и романов, которые по крайней мере печатаются. Жить остается немного – надо спешить. К тому же в Петербурге вы имеете кругом себя людей более, чем я, ученых по части государственных наук.

Статья Данилевского¹⁹ превосходна; я ее прочел раза три и еще буду читать, но нельзя же успокоиться на ней... «Твердите истину ежедневно, ибо другие твердят ежедневно ложь». <...>

Главная заслуга Данилевского, кроме исчисленных Вами в заметке против «Русского вестника», – это еще то, что он первый в печати смело поставил своеобразие культуры как цель. Московские славянофилы все как-то не договаривались до этого; они, вместо того, чтобы сказать, что без своей культуры и жить России не стоит, говорят, что на Западе все ложь или что у нас то или другое не привьется, неудобно и т. п. натяжки. Раз поставив это учение на основании – «культура для культуры», славянофилы будут впредь тверже на ногах и на вопрос: «а общечеловеческое благоденствие?» могут ответить спокойно: «Да кто вам сказал, что мы об нем забыли?»

Ну, довольно об «Заре».

Я думаю, что племянница моя²⁰ уже сказала Вам, что у меня почти готов для «Зари» роман «Генерал Матвеев»²¹. Я нарочно так назвал, чтобы дураки нашего времени подумали: вот, какие-нибудь насмешки! Открыли бы с радостью, а уж начнут – так кончат и увидят, что смеюсь я не над генералом, а над ними. <...>

Публикуется по автографу (РНБ).

¹ «Русский вестник» – литературно-политический журнал, основан в Москве в 1856 г. М. Н. Катковым. В нем печатались крупнейшие произведения русских классиков («Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф. М. Достоевского, «Война и мир» Л. Н. Толстого). Издание прекратилось в 1906 г.

² *Фамилизм* — учение секты фамилистов, возникшее в Голландии в середине XVI в., по которому сущность религии заключается в чувстве божественной любви.

³ Михаил Васильевич *Авдеев* (1821–1876) – литератор. Был сотрудником журналов «Современник» и «Дело». В своих романах подражал М. Ю. Лермонтову и И. С. Тургеневу.

⁴ *Антропов* – неустановленное лицо.

⁵ *Гончаров* — по всей вероятности, имеется в виду писатель И. А. Гончаров (1812–1891). Сведений об упоминаемом эпизоде не обнаружено.

⁶ *Чайльд Гарольд* — герой поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».

⁷ *Рене* — герой романа Ф. О. Шатобриана «Рене, или Следствие страстей».

⁸ *Санд* (Жорж Санд; настоящ. имя Аврора Дюдеван, 1804–1876) – французская писательница; пользовалась в России широкой популярностью.

⁹ «*Лукреция Флориани*» – роман Жорж Санд, в котором она изобразила свои отношения с Фредериком Шопеном.

¹⁰ *Вертер* — герой романа И.-В. Гёте «Страдания молодого Вертера».

¹¹ Барбара Юлия *Крюднер* (1764–1825) – немецкая писательница и религиозная проповедница мистического толка, склонная к мистификациям. Занималась филантропической деятельностью. Была в дружеских отношениях с Александром I.

¹² *Марко Вовчок* (настоящ. имя Мария Александровна Вилинская-Маркович 1834–1907) – украинская и русская писательница. Ее рассказы из народного быта получили высокую оценку Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского и др. Много занималась переводами научных трудов и художественных произведений.

¹³ *Павел Васильевич Анненков* (1813–1887) – литературный критик и мемуарист. Был близок с В. Г. Белинским, Н. В. Гоголем, А. И. Герценом и И. С. Тургеневым. Сотрудничал в «Отечественных записках» и «Современнике». Подготовил первое научное издание сочинений А. С. Пушкина, опубликовал ценные «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина».

¹⁴ *Франсуа Гизо* (1787–1874) – французский историк и государственный деятель. Основные труды: «История английской революции», «Общая история цивилизации в Европе», «Общая история цивилизации во Франции». Возглавлял Министерства народного просвещения, внутренних и иностранных дел, недолгое время стоял во главе правительства. Проводил консервативную политику.

¹⁵ *Молокане* — русская рационалистическая религиозная секта. Возникла во второй половине XVIII в. Сами сектанты объясняют это название тем, что их учение есть то «духовное млеко», о котором говорится в Священном Писании. Совершенно отрицают православную церковь и признают только Ветхий и Новый Заветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.